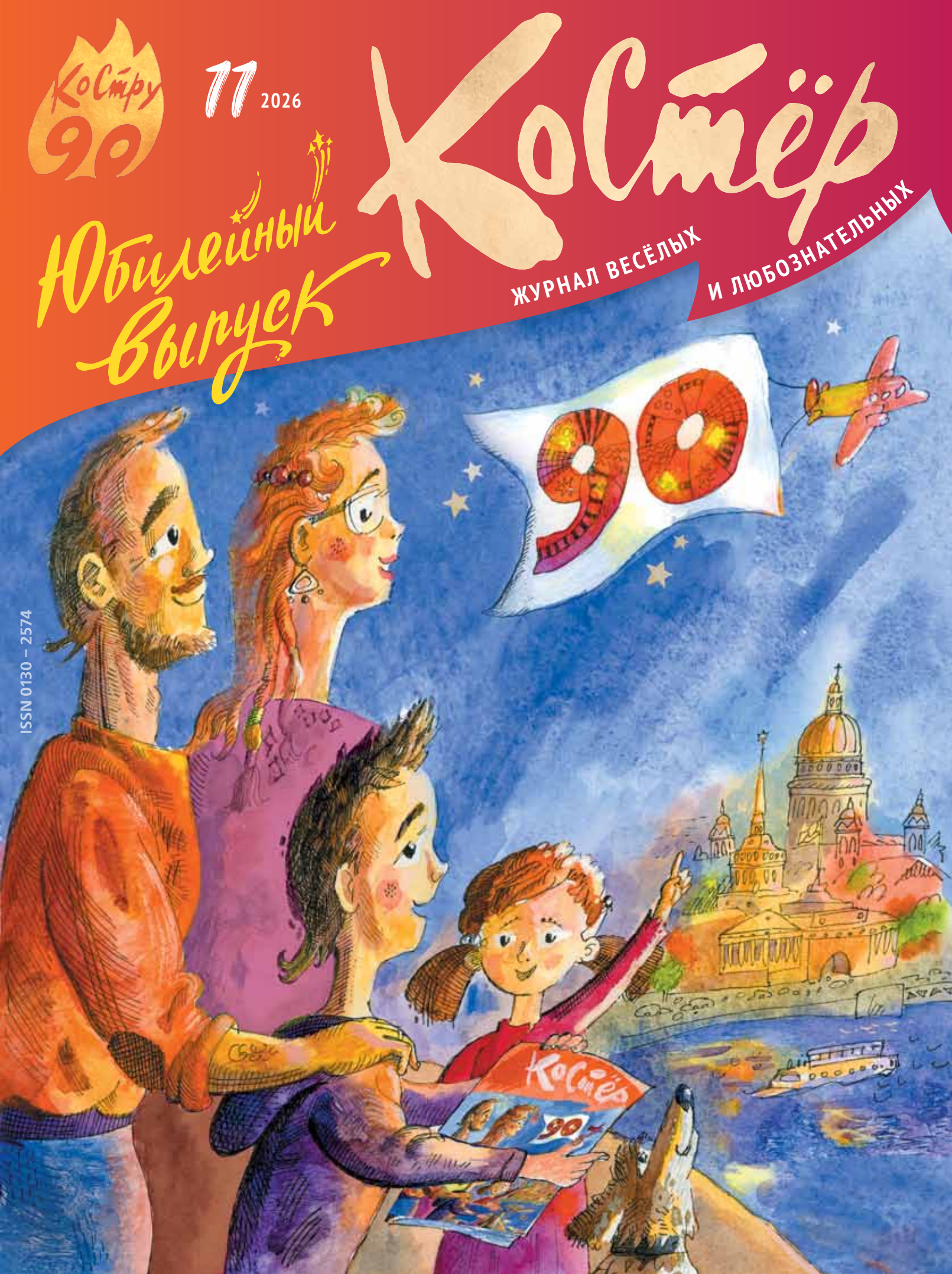
11 2026

Костёр

ЖУРНАЛ ВЕСЁЛЫХ И ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Юбилейный выпуск

ISSN 0130 – 2574

Ежемесячный
литературно-художественный
журнал для школьников «КОСТЁР»
Издаётся с июля 1936 г.
№ 11, 2026 г.

Учредитель: АНО «Медиа ДОМ»
Директор К. СМИРНОВ

Главный редактор
Н. ХАРЛАМПИЕВ

Заместитель главного редактора
С. ИВАНОВ

Главный художник
О. ГРАБЛЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. ИСАЕВА

Дизайн, вёрстка, допечатная подготовка
О. МАРКИНА

На обложке
рисунок А. ЯКОВЛЕВА

Адрес издателя, редакции:
190013, Санкт-Петербург, ул. Рузовская,
д. 16, помещ. 13-н

Телефон 346-46-92

Электронная почта: media@media178.ru

Дата и время подписания в печать
03.11.2026 20:00
Дата выхода в свет
10.11.2026

Формат 60x90/8

Печать офсетная. Плакат-вкладка

Формат 420 мм x 562 мм, 4+4

Тираж 4500 экз.

ООО «ТИПОГРАФИЯ»
190005, г. Санкт-Петербург,
пр. Троицкий, д. 6, лит. В,
пом./эт./пом. 2-Н/2/37
© «Костёр», 2026 г.
Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.

Свид. ПИ № ФС 77-88659
от 02 декабря 2024 г.

Распространяется бесплатно.
Гигиенический сертификат
№ 78.07.953
П.011573.06.08 от 06.06.2008 г.

6+

В случае направления работ для участия в конкурсах журнала «Костёр» законный представитель (родитель, опекун) ребёнка фактом направления материалов на конкурсы предоставляет согласие на обработку персональных данных несовершеннолетнего — Ф. И. О. и фотографии ребёнка, сведений о его возрасте и принадлежности к учебному заведению — и даёт разрешение на публикацию вышеуказанных данных и направленных работ в журнале «Костёр».

ОСТРОВ ПОЭЗИИ

«Костру» — 90!

Иной и под старость подросток,
Ему молодеть что ни миг.
Журналу «Костёр» — девяносто,
Но он далеко не старик.

Он движется бодро и быстро,
Не ведая тяжести дней,
Вздымая весёлые искры
Рассказов, стихов, повестей.

Нетрудно ему разгораться —
Он светом горячим богат,
И краски его иллюстраций
По-прежнему ярко горят.

Вовсю его сполохи реют,
Он ветру и солнцу открыт,
Он всякого в холод согреет,
А в тёмные дни — просветит.

Гордится он дружбою с каждым,
Кто ищет любви и тепла.
«Костёр», разожжённый однажды,
Сгореть не способен дотла.

Навстречу горячей надежде
Его развевается флаг,
И смотрит с улыбкой, как прежде,
Его создававший Маршак,

И буквами вспышек багровых
С друзьями ведя разговор,
Своих любознательных новых
Читателей просит «Костёр»:

«Страницы журнала листайте,
Живого не бойтесь огня,
Не слепо меня почитайте,
А просто читайте меня!»

НИКОЛАЙ ГОЛЬ

Рис. художника **Ксении Почтенной**

Коллективу и читателям журнала «Костёр»

Дорогие друзья!

Поздравляю ваш коллектив и юных читателей с 90-летием журнала «Костёр»!

Легендарный детский журнал, один из символов петербургской культуры, был основан в 1936 году по инициативе выдающегося поэта и переводчика Самуила Яковлевича Маршака.

Журнал сразу стал площадкой для созидательной работы выдающихся отечественных писателей и поэтов. На его страницах публиковались Самуил Маршак, Корней Чуковский, Ольга Берггольц, Евгений Шварц, Виталий Бианки, Михаил Зощенко, Л. Пантелеев, Константин Паустовский.

В «Костре» были впервые напечатаны стихи Иосифа Бродского. Литературным сотрудником издания был Сергей Довлатов. В более поздние годы с журналом сотрудничали Эдуард Успенский, Григорий Остер, Владислав Крапивин и другие любимые несколькими поколениями известные писатели.

История журнала неразрывно связана с Ленинградом – Санкт-Петербургом. Он стал единственным детским изданием, которое не прекращало работу в годы блокады Ленинграда. Когда в осаждённом городе не хватало бумаги и электроэнергии, журнал выходил в радиоэфире.

Негаснущий «Костёр» и сегодня ведёт содержательный и доверительный диалог со школьниками. На его страницах публикуются произведения известных детских писателей, познавательные статьи и очерки, в том числе по истории и культуре Санкт-Петербурга. К 90-летию журнала был запущен его официальный сайт.

Желаю всем сотрудникам «Костра» неиссякаемой энергии, вдохновения и любознательных читателей!

Губернатор Санкт-Петербурга
А. Д. БЕГЛОВ

Читателям журнала «Костёр»

Дорогие ребята!

В этом году исполняется 90 лет изданию, на котором выросло не одно поколение жителей нашей страны. Для многих ваших мам, пап, бабушек и дедушек «Костёр» стал первым другом и наставником, с которого началась любовь к чтению, познание окружающего мира, родного города.

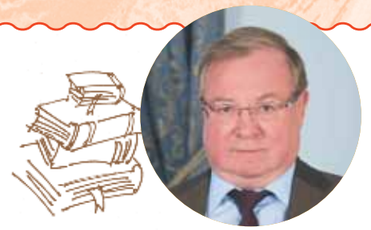
«Костёр» — особенный для ленинградцев журнал. Во время Великой Отечественной войны он продолжал выходить в осаждённом городе, поддерживая ребят в самые тяжёлые дни. В редакции работали всего три человека, решивших для себя, что оставить ленинградских школьников без хороших историй нельзя ни в коем случае.

В разные годы со страниц «Костра» с юными читателями говорили известные или ставшие известными впоследствии писатели. Замечательный рассказ «Мишкина каша» Николая Носова и приключенческий роман «Два капитана» Вениамина Каверина впервые были напечатаны в «Костре». Журнал знакомил ребят и с зарубежными сказочниками, например Джанни Родари и Астрид Линдгрен. Неудивительно, что выпуски зачитывались до дыр и передавались из рук в руки.

Сегодня, читая «Костёр», вы встречаетесь с новыми рассказами и стихами, открываете для себя имена талантливых писателей и художников. Спустя 90 лет он остаётся путеводным огоньком в мире хорошей литературы, о котором мечтали его создатели.

С юбилеем, дорогие читатели! Пусть любопытство и мечты никогда вас не покидают.

Председатель Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга
А. Н. БЕЛЬСКИЙ

Приветствие редакции и читателям журнала «Костёр»

Дорогие друзья!

Девяносто лет назад, в 1936 году, в Ленинграде вышел первый номер журнала «Костёр». Его создал Самуил Яковлевич Маршак – человек, который умел разговаривать с детьми уважительно, на равных. Эту традицию журнал бережёт до сих пор, и, может быть, именно поэтому «Костёр» не постарел за девять десятилетий.

То, что этот журнал продолжал жить даже в блокадном Ленинграде,– не просто факт истории литературы. Это свидетельство того, что книга и слово нужны человеку даже тогда (а может – особенно тогда), когда речь идёт о самом главном – о выживании.

Через журнал прошли целые поколения не только читателей, но и писателей, художников – людей, которые потом сами делали литературу и культуру России. Я говорю об этом не только как президент Российского книжного союза, но и как читатель, для которого журналы вроде «Костра» были первой школой слова.

Сегодня, в эпоху экранов и стремительных новостей, живые книги и журналы значат больше, чем когда-либо. «Костёр» делает то, на что не способен ни один гаджет: зажигает внутри человека огонь любопытства, учит думать, сопереживать, любить родной язык и родную землю. Костёр – это ведь не просто огонь. Это тепло, вокруг которого собираются. Так и журнал продолжает собирать вокруг себя читателей.

Дорогие ребята! Читайте. Пишите стихи и рассказы. Возможно, кто-то из вас, повзрослев, станет автором «Костра» – и однажды напишет поздравление к его столетнему юбилею.

Дорогая редакция! Ваше дело – живое, нужное и настоящее.

С девяностолетием, дорогой «Костёр»! Гори, гори ясно – чтобы не погасло!

Президент Российского книжного союза
С. В. СТЕПАШИН

Коллективу редакции журнала «Костёр»

Дорогие друзья!

За девять десятилетий журнал «Костёр» стал важной частью отечественной культуры и жизни нескольких поколений юных читателей.

Особая страница его истории связана с блокадным Ленинградом. После начала Великой Отечественной войны журнал временно прекратил печатный выпуск, а затем возобновил его в тяжелейших условиях. В самые трудные месяцы «Костёр» звучал по радио: дети могли услышать стихи, рассказы, сказки и важные сообщения.

За долгую жизнь «Костёр» сохранял главное – стремление говорить с детьми о мире честно, увлекательно и содержательно. Журнал помогает юным читателям открывать литературу, узнавать новое, развивать воображение и находить темы для размышлений.

Каждый номер журнала – результат большой совместной работы. За публикациями, иллюстрациями и редакционными решениями стоят профессионализм, преданность делу и искреннее желание быть полезными читателю. Вы не только сохраняете накопленные традиции, но и ищете новые темы и формы общения с аудиторией. В этом умении сочетать уважение к истории с готовностью развиваться – залог долгой жизни издания и его востребованности у новых поколений.

Особые слова признательности ветеранам редакции, чья многолетняя работа заложила прочную основу для продолжения общего дела.

Желаю коллективу крепкого здоровья, благополучия, вдохновения и новых творческих успехов! Пусть впереди будут интересные проекты, яркие публикации, талантливые авторы и благодарные читатели!

Председатель Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга
В. В. РЯБОВОЛ

Фото: gov.spb.ru

90 лет с детством

Услышав о журнале «Костёр», взрослые часто задают мне один и тот же вопрос: «“Костёр”? Неужели тот самый?» А ещё нередко спрашивают: «Как журналу удалось выжить?» Обычно отвечаю, что дело в мощном заряде доброй энергии, который вложил в созданный им журнал Самуил Яковлевич Маршак. Заряд этот, судя по всему, не иссяк до сих пор и ко многому обязал всех, кто поддерживал пламя «Костра» все последующие десятилетия. Сегодня «Костёр» горит и, надеюсь, радует читателей благодаря поддержке города и своего нового учредителя АНО «Медиа ДОМ». Сбылась давняя мечта редакции – в каждой школьной и детской библиотеке Петербурга есть наше издание.

В юбилейные дни принято вспоминать пройденный путь, и этот номер журнала мы посвятим лучшим авторам, публикациям и рубрикам, которые были в девяностолетней истории «Костра». И вместе с вами попытаемся разгадать, в чём же секрет творческого долголетия нашего журнала.

Может быть, в том, что редакция всегда привлекала лучших писателей, лучших поэтов, бывалых знатоков своего дела – учёных, инженеров, путешественников? Ведь «Костёр» – это целая эпоха в истории детской литературы, эпоха Маршака и Чуковского, Хармса и Зощенко, Шварца и Пантелеева, Бианки и Каверина. А какие художники рисовали для журнала! Лебедев, Пахомов, Тырса, Конашевич, Чарушин, Курдов, Мезерницкий и пришедшие им на смену Г. Ясинский, А. Аземша, Г. Ковенчук, А. Харшак, В. Цикота, Т. Капустина, К. Почтенная и многие другие. Сегодняшних ярких и талантливых художников, авторов и сотрудников «Костра» вы увидите на юбилейном плакате в этом номере журнала.

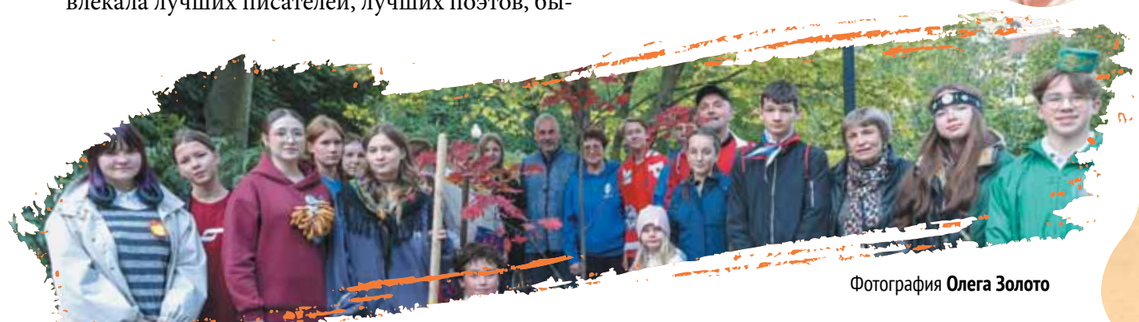
Именно со страниц «Костра» впервые на русском заговорили герои А. Линдгрен и Дж. Родари, здесь была напечатана «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла и состоялась первая публикация Иосифа Бродского. «Костру» всегда везло на главных редакторов: это часто были известные литераторы и всегда – талантливые и увлечённые люди. Неоценимый вклад в сохранение и развитие журнала внесла Нина Юрьевна Жуланова, заместитель главного редактора.

В нашей истории есть и героические страницы: журнал продолжал выходить в годы ленинградской блокады (в самое трудное время 1942 года – в виде радиовыпусков). Об этом вы тоже прочтёте в сегодняшнем номере.

Сегодня, как и 90 лет назад, редакция «Костра» остаётся местом особенным. Сюда приходят интересные люди, на встречах с «Костром» продолжают звенеть детские голоса. Обновлённый «Костёр» по-прежнему верен своим традициям и востребован думающими и читающими, весёлыми и любознательными ребятами, которых – уверен! – он будет удивлять и радовать ещё многие-многие годы.

Н. ХАРЛАМПИЕВ,
главный редактор журнала «Костёр»

Фотография **Олега Золото**

В десятом номере «Костра» за 1957 год, к юбилею Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964), создателя нашего журнала, писатель Л. Пантелеев опубликовал очерк о своём литературном учителе и старшем товарище, который мы перепечатываем с неизбежными сокращениями в нашем юбилейном выпуске.

С. Я. Маршак

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Думаю, не ошибусь, если скажу, что нет в нашей стране человека, который бы не слыхал этого имени. Едва научившись говорить, советский ребёнок уже лепечет звонкие и весёлые стихи про человека рассеянного с улицы Бассейной, про почтальона с толстой сумкой на ремне, про неизвестного героя, про мистера Твистера, про Шалтая-Болтая, про Усатого-полосатого, про дом, который построил Джек, или про глупую даму, которая сдавала в багаж маленькую собачонку, а получила по квитанции огромного лохматого пса.

Ребята идут в ТЮЗ или в кукольный театр и видят на афише то же имя: «Кошкин дом» С. Маршака, «Горе-злосчастье» С. Маршака, «Двенадцать месяцев» С. Маршака…

Годы бегут, человек вытянулся, вырос, его называют уже не мальчиком, а юношей, и в один прекрасный день он выписывается из детской и записывается в общую, «взрослую» библиотеку. И увлекается он теперь уже не сказками и не приключенческими книжками – перед ним широко открыты все полки, вся советская и мировая литература. Он читает Шекспира, Бёрнса, Беранже, Гейне, читает на родном языке стихи английских, французских, немецких, финских, итальянских, украинских, армянских и других поэтов и не удивляется уже, когда видит, что перевёл эти стихи на русский язык тоже С. Маршак.

А ведь Маршак не только поэт, не только драматург, сказочник, фельетонист, очеркист, критик и переводчик, но ещё и лучший наш редактор, опытный и внимательный воспитатель и учитель молодых литераторов. И Гайдар, и Кассиль, и Агния Барто, и Сергей Михалков, и Евгений Шварц, и Евгений Чарушин, и другие, столь же известные писатели,– все они в разное время прошли маршаковскую школу.

Мне тоже посчастливилось пройти эту школу. Учились мы многому, но главное, что преподал и внушил нам наш учитель,– это вдохновенное, уважительное отношение и к своему, и к чужому труду. Работать не покладая рук! – вот первое, чему всю жизнь учил и учит своих учеников и товарищей Самуил Яковлевич. И учит не словом, не поучениями, а собственным примером.

Маршак – человек редкостных, удивительных способностей. Ещё в ранней молодости поражала меня его необыкновенная, какая-то колдовская память. Помню, читали мы с ним только что вышедшую поэму А. Твардовского «Страна Муравия». Читали по очереди, вслух. А дня через два собрались у Маршака друзья, и Самуил Яковлевич свободно, по памяти, почти без запинки прочёл всю эту огромную поэму. Я спросил у него, перечитывал ли он книжку. «Нет,– говорит,– не перечитывал, но в уме много раз повторял особенно полюбившиеся строчки».

Не преувеличу, если скажу, что стихов он знает десятки, а может быть, и сотни тысяч строк.

А какое неисчислимое множество народных песен хранит его волшебная копилка-память! Песен русских, украинских, английских, финских, немецких, еврейских, арабских, испанских… Песен старинных и новых, весёлых и печальных, колыбельных и свадебных, песен революционных, шуточных, солдатских, фабричных, рыбацких, даже разбойничьих и пиратских. А фантастическая лёгкость, с какой ему всегда давалось изучение языков! Один англичанин говорил мне как-то, что Маршак чувствует тонкости английского языка не хуже, а может быть, и лучше, чем многие коренные жители Лондона! Впрочем, то, что он хорошо знает английский, не так уж удивительно: в молодости Самуил Яковлевич учился в Лондонском университете. Но вот – уже в зрелом возрасте – он едет в Италию, в страну, языка которой никогда не учил, а через месяц приходит от него оттуда письмо, где, между прочим, он пишет, что долго беседовал сегодня с итальянцем-почтальоном, что начал читать в подлиннике Данте и Петрарку, что, путешествуя, он уже не пользуется словарями и разговорниками…

Казалось бы, обладая такой необыкновенной памятью, будучи феноменально одарённым, многообразно талантливым человеком, можно жить и работать, не задумываясь, посвистывая. В школе, не заглядывая лишний раз в учебники, хватай с потолка пятёрки. Вырастешь – тоже не обременяй себя лишними заботами, а складывай лодочкой руки и подхватывай, как звёзды с неба,– ордена, звания и прочие жизненные блага.

В том-то и дело, что Маршак ни одного дня не прожил, чтобы не умножить своего таланта, ни одной крупицы этого таланта не пустил по ветру. Я знаю Самуила Яковлевича больше тридцати лет и никогда, ни одного раза не видел его в состоянии полной праздности, в том состоянии ничегонеделания, которому предаются иногда не только бездельники, но и люди, много и прилежно поработавшие.

Маршак трудится буквально с утра до ночи. На прогулке, за обедом, даже в театре или в кино он может обратиться к спутнику с неожиданным вопросом: «Скажи, как по-твоему, не лучше ли будет, если вместо такой-то строки дать такую-то?..» И, забывая о стынущем супе или о том, что делается на сцене, начинает так и этак перетасовывать слова в только что родившейся строке.

Недавно я навестил Самуила Яковлевича в санатории и, признаться, не сдержал лёгкого вздоха, когда увидел его, идущего мне навстречу по лесной дорожке, опирающегося на палку, ещё более поседевшего. Но вот привёл он меня в свою маленькую отдельную палату, и я вижу, что – нет, ничто не изменилось. Целые Эльбрусы книг, Монбланы писем, корректуры, свои и чужие рукописи и, главное,– сам он, хозяин и узник этой палаты, заставляют меня быстро забыть, что передо мной человек, которому вот-вот исполнится семьдесят лет.

Маршак с авторами «Костра» М. Исаковским и А. Твардовским. 1953 г.

Фотографии: **prodetlit.ru, В. Чередницев / ТАСС, А. Лесс / ТАСС**

КОСТЁР

Премьера книги

Знаменитые литературные премьеры «Костра»

ЗА ДЕВЯНОСТО ЛЕТ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ СОТНИ РАССКАЗОВ, ПОВЕСТЕЙ, РОМАНОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ. Печатались на наших страницах и произведения современных писателей, и классическая литература, и античные мифы, и сказки разных народов. В одном юбилейном выпуске журнала невозможно повторить целиком даже самые знаменитые литературные премьеры «Костра». Можно лишь коротко рассказать о них, а вы уж сами разыщите эти произведения, если наш рассказ вас заинтересует. Найти их несложно: почти все полюбившиеся читателям романы и повести, напечатанные однажды в «Костре», потом неоднократно переиздавались и переиздаются до сих пор. Наверняка в каждой общедоступной, школьной и даже в большинстве личных библиотек найдётся хотя бы несколько книжек, премьера которых произошла в «Костре». Начнём по порядку.

Я. Ларри. Необыкновенные приключения Карика и Вали (1937, № 2—11)

Получивший биологическое образование Ян Леопольдович Ларри (1900–1977) написал свою знаменитую сказку по совету С. Я. Маршака, первого редактора и создателя «Костра». Писателю было предложено в художественной форме рассказать о мире насекомых. Чтобы показать читателям этих животных, а также мир растений вблизи, Ян Ларри придумал уменьшить своих героев Карика и Валю, брата и сестру, с помощью научно-фантастического эликсира, созданного профессором Иваном Гермогеновичем Енотовым. Тайком выпив эликсир, Карик и Валя верхом на стрекозе унеслись в городской парк, куда следом отправился их выручать сам профессор, также приняв уменьшительное средство. В ходе опасного путешествия по воде и по суше герои знакомятся с хищными членистоногими, попадают в плен к пауку-серебрянке, утоляют голод питательным нектаром и в конце концов, благодаря знаниям Ивана Гермогеновича, благополучно возвращаются в большой мир.

Первая, журнальная публикация повести проиллюстрирована интересными фотоколлажами С. Петровича, где с громадными насекомыми встречаются крошечные дети и не менее крошечный профессор.

Оформление художника **Ники Яковлевой**

Л. Успенский. КУПИП, или Необыкновенные, неправдоподобные, невероятные, невозможные, но поучительные приключения профессора В. О. Бабера, капитана П. Ф. Койкина, Николая Андреевича Устрицына, мамы и многих других во время их путешествия по земному шару (1937, № 4—12; 1938, № 1—5)

КУПИП (Комитет Удивительных Путешествий и Приключений) Льва Васильевича Успенского (1900–1978) трудно отнести к какому-то одному жанру. Это одновременно и приключенческая повесть, и собрание юмористических рассказов, и викторина для читателей «Костра», и целый набор географических загадок. КУПИП был

первым, самым длинным и, наверное, самым занимательным произведением такого рода. Ведь в нём сочетались и увлекательный «жюльверновский» сюжет, и юмор, и интерактивные загадки, на которые можно было отвечать по почте. Главным персонажем стал профессор Бабер, поражавший всех своей фантастической рассеянностью, могучей бородой и не менее впечатляющей эрудицией.

Проиллюстрированы публикации были весёлыми рисунками Е. Косяковой.

В. Каверин. Два капитана (1938, № 8 — 1940, № 4).

В небольшом городке в начале XX века в реке нашли сумку почтальона, набитую письмами. Городовой, который расследовал инцидент, сумку забрал, а размокшие письма выбросил. Одна женщина, тётя Даша, взяла письма себе, высушила и читала их соседям для развлечения. Одно письмо она читала чаще других — таким необычным было его содержание, посвящённое пропавшей полярной экспедиции капитана Татаринова.

С этого письма и начались приключения Сани Григорьева, главного героя романа — сперва мальчишки из бедной семьи, а потом полярного лётчика, поклявшегося разгадать тайну гибели капитана Татаринова.

Иллюстрировал журнальную публикацию художник Иван Иванович Харкевич (1913—2008). Всю свою творческую жизнь И. Харкевич иллюстрировал детскую литературу, став одним из ярких «лиц» ленинградской школы иллюстрации.

Е. Шварц. Сказка о потерянном времени (1940, № 7/8)

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению… А отставал он потому, что попусту терял своё время, которое в результате отобрали у него злые старики-волшебники, сразу ставшие молодыми. А Петя Зубов и другие лоботрясы, наоборот, сделались старичками и старушками…

Эта сказка входит в число самых знаменитых произведений Евгения Львовича Шварца (1896–1958), постоянного автора «золотого века» «Костра». Мораль сказки проста, написана она увлекательно и до сих пор остаётся актуальной для современных детей. Даже, наверное, она сделалась ещё актуальнее, чем раньше: ведь способов попусту тратить время стало больше!

Нарисовала героев сказки выпускница знаменитого ВХУТЕМАСа художница Нина Николаевна Петрова (1902–1988), знакомая тогдашним читателям ещё по журналу «Чиж».

Л. Пантелеев. Честное слово (1941, № 6)

Однажды летом рассказчик зашёл в городской садик с интересной книгой и так зачитался, что не заметил, как наступил вечер. Торопясь домой, он неожиданно услышал за кустами чей-то плач. Плакал мальчик лет семи или восьми, которого незнакомые мальчишки, игравшие с ним в войну, сделали часовым – да и бросили. А герой рассказа не мог оставить пост, потому что дал честное слово. И таким крепким было это слово, что часовой не ушёл домой ни сам, ни вместе с рассказчиком. Пришлось автору искать настоящего офицера, который как старший по званию мог снять часового с игрового поста.

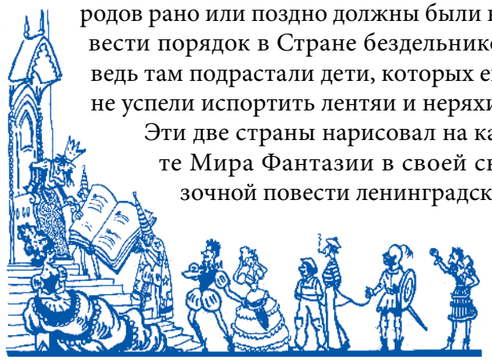
Этот известный всем с детства рассказ основан на реальном событии, которое произошло в детстве с самим писателем.

Рисунок к журнальной публикации сделал Борис Фёдорович Семёнов (1910–1992), постоянный художник «Костра», один из создателей группы карикатуристов «Боевой карандаш».

С. Сахарнов. Гак и Буртик в Стране бездельников (1959, № 1–3)

Много есть сказочных стран, и вот одна из них: Страна Семи городов. В одном ярко раскрашенном городе живут маляры, в другом – плотники, в третьем – кораблестроители… А на другом берегу сказочного моря расположилась Страна бездельников. Кто там живёт – понятно без объяснений. Ну и конечно, трудолюбивые люди из Страны Семи городов рано или поздно должны были навести порядок в Стране бездельников, ведь там подрастали дети, которых ещё не успели испортить лентяи и неряхи.

Эти две страны нарисовал на карте Мира Фантазии в своей сказочной повести ленинградский писатель Святослав Владимирович Сахарнов (1923–2010), капитан второго ранга, многолетний ведущий рубрики «Морская газета» и главный редактор нашего журнала в 1973–1988 годах – настоящий капитан «Костра»!

Рисунки к повести сделал Юрий Вячеславович Смольников (1926–1989).

Дж. Родари. Приключения Джельсомино (1959, № 5–7)

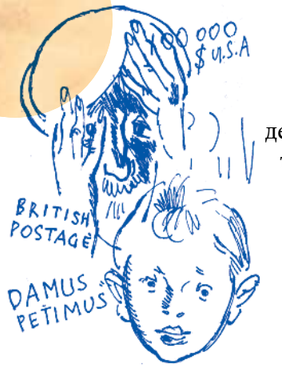

В следующих, книжных публикациях эта сказка итальянского писателя, большого друга нашей страны Джанни Родари (1920–1980) называлась «Джельсомино в стране лжецов», а снятый по ней фильм – «Волшебный голос Джельсомино». Мальчик с фантастически громким голосом, обладающий обострённым чувством справедливости, не смог ужиться со лжецами, которые захватили власть в сказочной стране, вывел их на чистую воду и научил жителей говорить друг другу правду. Первый перевод этой сказки на русский язык был опубликован в нашем журнале.

А изобразил героев Дж. Родари знаменитый Владимир Михайлович Конашевич (1888–1963). Тот самый, кто нарисовал и «Кошкин дом», и «Муху-цокотуху», и «Мойдодыра»!

Н. Внуков. Розовая Гвиана (1963, № 11)

Редчайшую марку, известную у филателистов под названием «Розовая Гвиана», сперва нашёл, а потом утратил скромный почтовый служащий из Индии. А Орька (Орион) Кириков, известный в школе филателист, случайно приобрёл «Розовую Гвиану» у неизвестного мальчишки, которого никогда больше не видел. В каталоге значилось, что такая марка, которых в мире сохранилось всего две или три, стоит 100 тысяч долларов. Естественно, Орька со своим другом, рассказчиком, собрались продать марку и купить на эти деньги две машины «Чайка» для своего класса. Ну а удалась

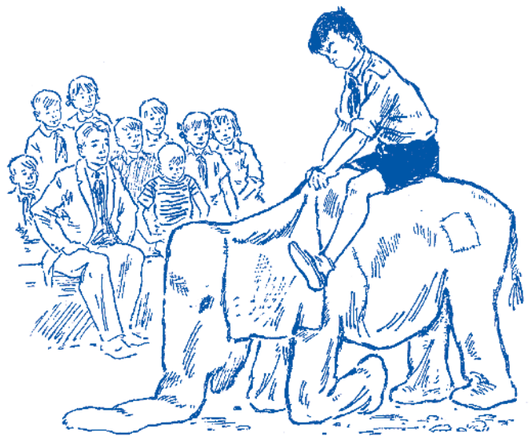
ли им такая финансовая операция, вы можете прочесть сами в этом небольшом рассказе Николая Андреевича Внукова (1925–2011).

Иллюстрировал публикацию Сергей Николаевич Спицын (1923–2014), книжный и станковый график, иконописец и живописец.

Л. Кассиль. Будьте готовы, Ваше Высочество! (1964, № 10–12)

Когда Дэлихьяр Сурамбук, принц и наследник королевства Джунгахора, оказался в советском пионерском лагере, он многого не понимал. Но к концу лагерной смены принц не только стал королём своей страны, но и сде-

лался настоящим пионером и на тайном ночном совете вместе с новыми друзьями сочинил королевско-пионерский манифест, в котором пообещал никого не сажать в ямы с муравьями, разрешил каждому жителю Джунгахоры владеть слонами и велел изгнать из своей страны иностранных империалистов.

Рисунки к повести сделал Виктор Васильевич Куприянов (1929–2006), проиллюстрировавший множество книг, адресованных подросткам.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье (1969, № 3–7).

Как известно, сперва Льюис Кэрролл написал «Алису в Стране чудес», которая в нашей стране несколько раз переводилась. Например, стихотворения Л. Кэррола «Отец Вильям», «Баллада о Джаббервоке» и «Свидетельское показание» из этой сказки были напечатаны в «Костре» в 1940 году в переводе В. и Л. Успенских. Вот и новый перевод «Алисы в Зазеркалье» на русский язык был опубликован именно в нашем журнале.

Перевёл эту сказку для «Костра» Александр Александрович Щербаков (1932–1994) — не только переводчик, но и писатель-фантаст. Иллюстрировал Георгий Васильевич Ковенчук (1933–2015), участник содружества «Боевой карандаш».

А. Линдгрен. Эмиль из Лённеберги; Новые проделки Эмиля из Лённеберги (1969, № 11–12)

Мы ничего бы не узнали о сорванце Эмиле из шведского округа Смоланд, если бы не его мама Альма, которая вела ежедневные записи его проделок. Но, с другой стороны, и Эмиля, и его маму выдумала шведская писательница Астрид Линдгрен (1907–2002). Однако не совсем выдумала, ведь прототипом Эмиля стал её собственный отец, который много рассказывал дочери о своих детских шалостях.

Линдгрен опубликовала на родине повести про Эмиля в 1963 и 1966 годах. Вскоре они поя-

вились у нас в журнале, а позже (1972, № 10–12) там был опубликован и перевод третьей части: «Жив ещё Эмиль из Лённеберги». Так что Эмиль по-русски заговорил именно в «Костре». Хотя и с иллюстрациями шведа Бьёрна Берга (1923–2008).

В. Голявкин. Боба и слон (1973, № 3–4)

Немало весёлых рассказов опубликовал в «Костре» Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001) ещё задолго до «Бобы и слона». Однако эта киноповесть немножечко выделяется. Во-первых, она довольно длинная для Голявкина, который был большим мастером коротких рассказов. Во-вторых, по ней был снят популярный у зрителей кинофильм, который так же называется – «Боба и слон». В-третьих, в этом фильме звучит песня про розового слона, которая знакома с детства даже тем, кто Голявкина не читал. Правда, текст песни написал другой автор «Костра», поэт Глеб Горбовский.

Все истории Голявкина весёлые и грустные одновременно. Хотя мечта мальчика подружиться со слоном осуществилась, Бобе всё-таки пришлось отвести сбежавшего из зоопарка слона обратно, а жить в зоопарке грустно даже слону…

А кто бы мог проиллюстрировать повесть Виктора Голявкина? Да конечно, он сам, ведь Голявкин был не только писателем, но и художником.

С. А. Иванов. Отстающая Лаврёнова (1977, № 5–6)

Рисунок художника **Андрея Харшака**

Московский писатель Сергей Анатольевич Иванов (1941–1999) в каждой своей новой публикации в нашем журнале ставил трудные вопросы. Повесть «Отстающая Лаврёнова» посвящена школьнице, которой плохо даётся математика. И хотя с помощью педагогов она в конце концов справляется с трудностями, живётся ей нелегко: Лаврёнова боится родительского наказания за двойки, боится строгой «математички», а её маленькая подшефная второклассница боится её самой.

Непростая жизнь и у героев книги С. Иванова «Бывший Булка и его дочь», отрывок из которой под названием «Надя и Лида» был опубликован в «Костре» в 1979 году, и у персонажей повести «Ольга Яковлева» (1975, № 1). Трудно жить второкласснице Ольге, семью которой покинул отец, но ещё труднее, как она вдруг осознала, жить старому учителю – «старику ботаники» – и его внуку, который вообще собирается бросить школу. Как помочь себе и другим? На этот вопрос нет универсального ответа – каждый раз надо думать и решать заново…

Проиллюстрировал повесть незабываемый Андрей Александрович Харшак.

Ю. Коваль. Недопёсок (1974, № 4–6)

Всё началось с того, что ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий. Другие герои повести – школьница Вера, директор школы и директор зверофермы – пытаются найти и присвоить свободолюбивого песца. И только один дошкольник Серпокрылов понимает желание зверька вырваться на свободу и достичь Северного полюса.

Повесть, впервые опубликованная в «Костре», сразу стала и до сих пор остаётся детской классикой, но любят её не только дети, а и такие взрослые, «которые это дело понимают», как сказал бы Юрий Иосифович Коваль (1938–1995). Но и другую повесть Коваля, тоже опубликованную впервые в «Костре» – «Пять

похищенных монахов» (1976, № 6–9),– читатели любят не меньше.

Нарисовала «Недопёска» Татьяна Порфирьевна Капустина (1935–2020), известный ленинградский художник-анималист.

Ю. Яковлев. Девочка, хочешь сниматься в кино? (1977, № 8–10)

Юрий Яковлевич Яковлев (1922–1995) был хорошо известен читателям как автор повестей и лирических рассказов о подростках, многие из которых легли в основу популярных кинофильмов. Вы наверняка видели фильм «Три весёлые смены» о невероятных событиях в пионерском лагере «Зубрёнок» или мультфильмы про медвежонка Умку… А всего по сценариям и произведениям Ю. Яковлева снято больше 30 фильмов!

Возможно, опыт сценариста навёл писателя на мысль сделать героиней повести киноактрису, только совсем юную. Однако, несмотря на юный возраст, Инга уже успела пережить трагедию – смерть матери. И конечно, после этого ни в каком кино она сниматься не хотела. Но именно сложный труд на съёмочной площадке, дружба со взрослыми актёрами и киноработ-

никами помогли Инге выйти из кокона, в который обернула её беда.

Рисунки к повести сделал Касьян Юрьевич Швец (1936–2018).

Р. Погодин. Где ты, Гдетыгдеты? (1979, № 6)

Немало сказок написал Радий Петрович Погодин (1925–1993). Эта сказка – про жеребёнка Мишу и его друзей: Вовку Попугаева, мышонка Терентия, сказочного зверя Индрика и мамонтёнка Гдетыгдеты. Живут они в Новгороде Великом. Всё там чудесное: небо сказочно-голубое, трава ярко-зелёная, речка говорящая, да и звери тоже. Но не так-то просто жить даже в сказочном городе. Ведь кругом полно тайн, самая большая из которых – тайна дружбы. Попробуй-ка научись дружить так, чтобы не обижать и не обижаться! Вечно получается что-то не то, даже если стараешься изо всех сил. Вот Вовка Попугаев сумел всё-таки стать хорошим другом, хотя не сразу это у него получилось. Но от других мальчишек и девчонок маленького мамонтёнка пришлось спасать, иначе они перекормили бы его сладким, затискали и зацеловали. И превратился мамонтёнок в тучку-облако…

Иллюстрировал сказку Михаил Самуилович Беломлинский (1934–2020), в 1971–1981 годах главный художник «Костра».

В. Крапивин. Дырчатая луна (1995, № 1-3)

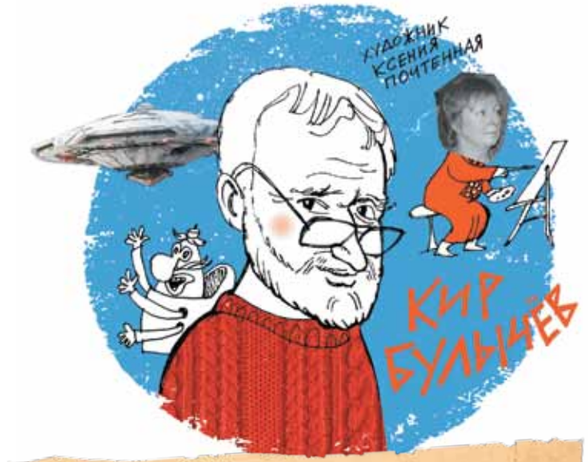
Владислав Петрович Крапивин (1938–2020), вступивший в литературу в конце 1950-х годов, начал публиковаться в нашем журнале лишь на рубеже XX и XXI веков. Кроме «Дырчатой Луны», в «Костре» были напечатаны его произведения «Пошёл, все наверх» в 1994 году (№ 4), «Дело о ртутной бомбе» в 2000 году (№ 1–4), главы из книги «Стража Лопухастых островов» в № 10–12 за 2003 год. Но зато это были произведения уже опытного, любимого читателями автора.

Четвероклассники Гайка и Лесь мечтают поймать в изобретённый Лесем «накопитель» солнечный луч, который пройдёт сквозь Луну в день затмения. Попутно Лесь создаёт разумных кузнечиков и ищет новых друзей, среди которых оказывается беженец Ашотик. А вокруг идёт гражданская война…

«Дырчатая Луна» стала первой повестью цикла «Безлюдные пространства», события которого развиваются на грани реального и нереального. Наверное, иначе наступавшую эпоху и нельзя было описать.

Иллюстрировал публикацию Анатолий Григорьевич Слепков.

К. Булычёв. Дети динозавров (1996, № 7–8)

В этой фантастической повести Кир Булычёв (1934–2003) открывает тайну космических пиратов: способ превращения в других существ, который Крыс и знаменитый бандит Весельчак У не раз использовали в своих целях. Оказывается, для получения необходимого эффекта пираты принимали специальные пилюли, которые производятся на планете Синий Воздух. Добыв пилюли, Алиса и Пашка Гераскин летят на планету Сиговию, где местные динозавры несут золотые яйца, с помощью пилюль превращаются там в динозавров и спасают планету от замерзания. Правда, за золотыми яйцами одновременно отправляются и космические пираты, вернувшиеся на скользкую дорожку. Даже разумный корабль «Гай-до», на котором прилетели ребята, мечтает о золотых ручках на своих дверях. В общем, в фантастическом будущем начинается небольшая «золотая лихорадка», которая, к счастью, к концу повести завершается.

Рисунок художника **Ксении Почтенной**

А нарисовала героев повести Кира Булычёва Ксения Остаповна Почтенная – художник, прекрасно знакомый и прежним, и нынешним читателям «Костра».

Э. Успенский. Солнышко в жемчужной коробочке (2006, № 1)

Всем известен узнаваемый стиль Эдуарда Николаевича Успенского (1937–2018): с первых слов мы угадаем «Дядю Фёдора» и «Школу клоунов», «Вниз по волшебной реке» и «Крокодила Гену». И всё-таки Эдуард Николаевич каждую свою историю пишет немного иначе, чем предыдущую. Каждый раз хоть чем-то да удивит читателя. Вот и эта сказка эпохи «дикого капитализма» 1990-х годов тоже получилась необычной. Действуют в ней вроде бы самые обыкновенные люди: специалист по маркетингу обувной фирмы, его помощник, дочери, милиционеры, и всё-таки герои эти – сказочные. Особенно девочка Светлашечка, которая попросила папу привезти ей из деловой поездки «солнышко в жемчужной коробочке», хотя её более меркантильные сёстры просили кто компьютерную игру, кто платье со стразами. Но именно ненужное в жизни «солнышко в жемчужной коробочке» спасло папу девочек, когда он по несправедливому обвинению попал в тюрьму.

К 90-летию нашего журнала «Яндекс. Книги» сделали специальную полку «Костра». Здесь вы можете послушать книги авторов, которые печатались в журнале.

Ленинградский писатель **Юрий Геннадиевич ТОМИН** (1929—1997) был постоянным автором «Костра» начиная с 1950-х годов. «Повесть об Атлантиде», «Нынче всё наоборот», «Восемь дней в неделю» и другие произведения можно было прочитать в нашем журнале. К каким бы темам ни обращался Ю. Томин, писателя всегда волновало, что происходит в душах его героев, сверстников читателей.

Предлагаем вам прочесть отрывок из сказочной повести «Шёл по городу волшебник». История эта началась с того, что Толик Рыжков не совсем честным путём раздобыл волшебные спички, которые выполняли любое желание. А чем эта история закончилась, узнать тоже несложно: достаточно взять в библиотеке эту книгу.

Шёл по городу волшебник

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ

Когда Толик вошёл в класс, все уже сидели на местах. Анна Гавриловна показывала что-то на карте. Она обернулась на скрип двери.

— Добро пожаловать, Рыжков. Ты почему опоздал?

— Я? — спросил Толик.

— Ты, — сказала Анна Гавриловна.

— Я... — произнёс Толик и задумался.

Учительница улыбнулась:

— Не успел ещё придумать?

— Я... нет... — сказал Толик.

— Садись на место, Рыжков.

Анна Гавриловна повернулась к карте и стала объяснять дальше. Толик сел на своё место.

— Отпустили? — спросил Мишка.

— А ты никому не говорил?

— Нет.

— Теперь можешь говорить, мне всё равно, — прошептал Толик и похлопал себя по карману.

— Чего там у тебя? — спросил Мишка.

— Ничего. Много будешь знать — скоро состаришься, — ответил Толик.

— Рыжков и Павлов! — сказала Анна Гавриловна, не оборачиваясь.

Мишка и Толик пртитихли и стали слушать. Анна Гавриловна рассказывала о том, как изменится карта нашей страны через десять лет. Она говорила о плотинах, которые построят за это время. Говорила о реках, как они разольются шириной чуть ли не с море.

— Я теперь могу любую реку переплыть, — шепнул Толик.

Мишка посмотрел на него и молча постучал по лбу согнутым пальцем. Но Толик даже не рассердился. Мишка ведь не знал ничего.

Потом Анна Гавриловна стала рассказывать о том, какие богатства скрываются на дне океанов: всякие водоросли, которые можно есть, нефть и что-то ещё такое, чего Толик не расслышал, потому что в этот момент говорил Мишке:

Рисунки художника **Натальи Якубовской**

— Я теперь и океан любой могу переплыть.

Мишка снова постучал пальцем по лбу. На этот раз Толик обиделся.

— Сам дурак, — сказал он. — Не знаешь ничего — и молчи.

— Рыжков, — сказала Анна Гавриловна, — повтори, что я говорила.

Толик вскочил с места.

— Вы говорили про плотины и про водоросли.

— Что я говорила про плотины и про водоросли?

— Их можно есть.

— Плотины можно есть?

Ребята дружно засмеялись. Мишка тоже засмеялся. Толику стало совсем обидно. Если бы они знали, что у него в кармане, то не смеялись бы, а плакали от зависти.

— Плотины нельзя есть, — буркнул Толик. — Они железные.

— Они бетонные, — сказала Анна Гавриловна. — Ставлю тебе двойку за невнимательность.

Двойку Толику получать не хотелось. Двоек у него в этой четверти не было. Это не очень приятно — в первый раз получать двойку. И Толик сунул руку в карман.

— Ой, Анна Гавриловна, можно выйти на минутку?

— Что случилось?

— Мне... мне плохо...

Анна Гавриловна пожала плечами:

— Иди.

Толик выскочил за дверь. Пока он ходил, учительница открыла журнал и поставила против фамилии Рыжков двойку.

Толик вернулся почти сразу. Он скромно сел на место рядом с Мишкой и уставился на Анну Гавриловну. Учительница подняла голову.

— Рыжков, — сказала она, — я поставила тебе двойку за невнимательность. А теперь... я... переправлю её... на... пятёрку. Я делаю это потому, что... потому... Я не знаю почему. Так нужно. Ты... очень... хороший... ученик... Рыжков.

Анна Гавриловна подняла руку и устало потёрла лоб.

— На сегодня закончим, — сказала она и быстро вышла из класса.

Ребята все как один посмотрели на Толика. Они ничего не понимали. Они знали Анну Гавриловну с первого класса. У неё никогда не

было любимчиков. Двойки она всегда ставила за дело. Пятёрки — тоже за дело. Ответил плохо — двойка, хорошо — пятёрка. Толик почти всегда отвечал хорошо. Но сегодня он, конечно, заслужил двойку.

Наконец Лена Щеглова не выдержала.

— Эй, Рыжков, — сказала она. — Отличник Рыжков. Расскажи ещё про железную плотину.

И сразу ребята повскакали с мест и окружили парту Толика.

— Отличник! — закричали они. — Отличник! Плотину съел.

— Она, может, пошутила, — отбивался Толик. — Может быть, у неё голова болит, вот она и ушла.

— Ни чуточки она не пошутила, — сказала Лена Щеглова. — Она переправила двойку на пятёрку. И даже кляксу поставила. Я сама видела. Она из-за тебя ушла.

А Лёня Травин — мальчик, который умел играть на скрипке, — сказал:

— Ты должен извиниться перед Анной Гавриловной.

— Чего мне извиняться! — возмутился Толик. — Я сам себе, что ли, поставил? Она сама поставила! Я за неё отвечать не буду.

— Тогда мы сходим и попросим, чтобы она тебе опять на двойку переправила. Потому что это нечестно, — сказал Лёня.

– И пожалуйста, – засмеялся Толик. – Всё равно она тебя не послушает. Ты лучше на скрипке играй.

– Кто пойдёт со мной к Анне Гавриловне? – спросил Лёня.

Но идти почему-то никто не захотел. Даже Лена Щеглова, хотя она и считала себя самой справедливой девочкой в классе. Наоборот, ребята один за одним стали отходить от парты Толика и рассаживаться по местам. И Лена отошла. Только напоследок она сказала:

– Трусливо и нечестно.

– После уроков получишь, – ответил Толик.

Возле парты остался один Лёня.

– Тогда я один пойду, – сказал он.

– Ха-ха-ха, – сказал Толик. – Ни капельки не страшно.

В этот момент открылась дверь, и в класс заглянул директор. Ребята вскочили. Четвёртый класс здорово боялся директора. Его и пятые классы боялись. И шестые, седьмые, восьмые – тоже. Потому что он мог исключить кого угодно в два счёта.

– Какой у вас урок? – спросил директор.

– Природоведение, – ответила Лена Щеглова.

– А где Анна Гавриловна?

– Она... ушла.

– Куда ушла?

Ребята молчали. Им не хотелось выдавать учительницу. Если директор узнает, что она поставила вместо двойки пятёрку, то может и её исключить в два счёта.

Наконец Лёня, который собирался уходить в музыкальную школу и потому немножко меньше других боялся директора, сказал:

– Очевидно, у неё голова заболела.

– Гм, – сказал директор и вышел.

И сразу все опять набросились на Толика. Ребята кричали, что из-за него теперь попадёт Анне Гавриловне. Может быть, её даже исключат из школы. Тогда Толик пускай лучше в класс не приходит. А Лена Щеглова предложила пойти и всё честно рассказать директору и попросить, чтобы он простил Анну Гавриловну. Тогда все набросились на Лену. Потому что если рассказать, то директор наверняка всё узнает. А так, может быть, и не узнает. В классе стоял такой шум, что никто не услышал, как вошла Анна Гавриловна.

– Почему вы так шумите? – сказала она. – Вас на одну минуту нельзя оставить. Садитесь по местам.

Ребята быстро расселись, поглядывая на Анну Гавриловну. Всем было интересно узнать, что сказал директор. А может быть, директор её и не встретил? Лучше, если бы не встретил.

Учительница сидела за столом, наморщив лоб. Она как будто хотела что-то вспомнить и не могла. И молчала.

Первой не выдержала Лена Щеглова.

– Анна Гавриловна, – сказала она, – а сейчас директор приходил.

– Я знаю, – кивнула Анна Гавриловна.

– А мы сказали, что у вас голова болит...

Анна Гавриловна обвела взглядом класс. Она увидела сияющие лица. Всем было приятно, что они так ловко обманули директора. Анна Гавриловна улыбнулась, и сразу исчезли морщины на её лбу.

– Вот вы какие заговорщики, – сказала она. – А я и не знала...

– Конечно, – ответила Лена. – Вы не бойтесь, Анна Гавриловна. Мы никому не скажем.

– Что же вы не скажете?

– Что вы Рыжкову пятёрку поставили.

– Ничего не понимаю, – сказала Анна Гавриловна. – Конечно, я поставила ему пятёрку. Почему это нужно скрывать? Он очень хорошо отвечал. Я ДОЛЖНА была поставить ему пятёрку.

Ребята переглянулись. Они никак не могли понять, что случилось с учительницей. На время все даже забыли про Толика. А Толик съёжился и сполз немного под парту, чтобы стать незаметнее. Уж он-то знал, в чём тут дело.

– Ничего не понимаю, – повторила Анна Гавриловна. – Почему вы на меня так смотрите? Что случилось, Щеглова?

– Я... я не знаю, Анна Гавриловна... – растерянно сказала Лена и села.

Учительница в недоумении посмотрела на Толика.

– Рыжков, может быть, ты объяснишь, в чём дело? Почему все так волнуются из-за твоей отметки?

– Я... я не знаю...

Толик поднялся за партой и склонил голову набок, будто и ему самому всё было удивительно. В этот момент комок жёваной промокашки стукнул Толика по уху.

– Громов, выйди из класса, – сказала Анна Гавриловна.

Женя Громов молча направился к двери. Его не в первый раз выставляли из класса. Но сегодня все понимали, что Громов пострадал ни за что. Все с сочувствием смотрели на Женю и потихоньку показывали кулаки Толику. Даже Лёня Травин показал кулак, хотя он никогда не дрался. Лёня боялся повредить пальцы. Тогда из него не получится великий скрипач.

Дверь за Громовым закрылась.

– Я жду, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна.

Толик покраснел и завозил руками. Он очень жалел, что поступил так неосторожно. Он уже понял, что пятёрки надо получать совсем по-другому. С завтрашнего дня у него будут одни пятёрки. А сейчас... Сейчас надо что-то отвечать.

– Я, Анна Гавриловна, – начал было Толик, но тут же как-то странно дёрнулся и плюхнулся на скамейку. Это Саша Арзуханян, дотянувшись ногой под партой, стукнул его под коленку.

– Арзуханян, сядь на переднюю парту, – сказала Анна Гавриловна.

И Саша Арзуханян, который не боялся спорить даже с самой учительницей, на этот раз молча прошёл по классу и сел на переднюю парту.

– Сядь, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна. Она обвела взглядом класс и добавила: – Я всегда думала, что мы с вами друзья. И у нас был уговор: всё честно рассказывать друг другу. Пока я выходила, что-то случилось. Но вы не хотите со мной разговаривать. Я вижу, что вы ко мне стали плохо относиться...

– Нет, Анна Гавриловна! Нет! – закричали ребята.

Но учительница продолжала:

– Подумайте и сами решите, будем мы с вами дальше дружить или нет. А наказывать я никого не буду. Ни Громова, ни Арзуханяна. Можете вести себя как хотите.

Раздался звонок. Анна Гавриловна взяла журнал, указку и вышла из класса. Ребята молчали. Потом Саша Арзуханян сказал:

– Ну ладно, Рыжков, пусть только уроки кончатся...

После уроков Толик вышел из класса последним. Он не пошёл сразу на улицу. Он походил по пустым коридорам, заглянул в спортзал. Там старшеклассники играли в баскетбол. Толик прокрался в зал и сел в уголке на скамейку. Несколько минут его не замечали, но

потом мяч откатился к самым его ногам. Потный и свирепый десятиклассник подобрал мяч и закричал на Толика:

– Ты чего под ногами путаешься!

– Я не путаюсь, – сказал Толик.

– Ты ещё у меня поговори! – зарычал десятиклассник.

Толик встал со скамейки и тихонько пошёл к дверям. Бесполезно спорить с десятиклассником. Особенно если он проигрывает. Когда проигрывают, всегда злятся не на того, на кого нужно.

Толик поднялся на второй этаж, заглянул в пионерскую комнату. Там уже никого не было. На третьем этаже тоже никого не было. Лишь в дальнем конце коридора слышалось какое-то поскрёбывание.

Толик побрёл туда. Там была нянечка. Она вытирала пол сырой тряпкой. Она покосилась на Толика, но ничего не сказала. Толик стал смотреть, как она вытирает пол. Наконец, нянечка не выдержала.

– Ты чего домой не идёшь? – сказала она. – Сегодня телевизор детский.

– Детский уже кончился, – ответил Толик. – Его в пять показывают.

– Ну всё равно иди. Не мешайся, – сказала нянечка.

– А хотите, я вам помогу?

– Чего это с тобой сегодня случилось? – удивилась нянечка.

– А я вообще люблю помогать.

– Сказано тебе – иди, – рассердилась нянечка. – Ещё наработаешься.

Делать нечего. Толик медленно спустился по лестнице. Осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. За оградой школы, на тротуаре, стояли ребята. У Толика похолодело в животе. Он надеялся, что они уже ушли. Но они не ушли. Они ждали Толика. И вовсе не затем, чтобы пригласить его поиграть в футбол или шайбу.

Там были Женя Громов, Саша Арзуханян, Лёня Травин. Немного в стороне от них стоял Мишка Павлов. Мишка драться не будет, скорее всего, он заступится, потому что Мишка всё-таки друг. Травин тоже не в счёт. Если он придёт домой с поцарапанными пальцами, его за это не похвалят. Зато уж Громов и Арзуханян времени терять не будут. Они всегда ходят вместе, заступаются друг за друга. Их побаиваются даже пятиклассники.

Толик вздохнул и сунул руку в карман. Очень уж ему не хотелось тратить спичку на такие пустяки. Но ничего не поделаешь. Шишки получать ему не хотелось ещё больше.

Толик достал коробок. Прежде чем сломать спичку, он ещё раз выглянул за дверь. Может, ушли? Ну ладно, пускай стоят. Им же хуже. Теперь Толик знал, что загадать. Он сейчас такое загадает, что они не обрадуются.

Толик переломил спичку. Второпях он забыл про Мишку. Конечно, про него не надо было загадывать. Мишка, наверное, остался, чтобы помочь Толику. Но Толик об этом просто не подумал. Он загадал про всех сразу и вышел на улицу.

Ребята увидели его.

– Иди, иди, – сказал Арзуханян. – Иди, не бойся. Из-за тебя Анна Гавриловна с нами поссорилась. Сейчас ты получишь.

– Толик, не бойся! – крикнул Мишка.

– А ты, Павлов, лучше отойди, – сказал Громов. – А то и тебе попадёт.

– Не вмешивайся, Павлов. Я же не вмешиваюсь, – сказал Лёня Травин и засунул поглубже в карман свои драгоценные руки.

– А я и не боюсь! – крикнул Толик. И, чтобы ребята ещё больше разозлились, добавил: – Чихать я на вас хотел. Понятно?

Толик подошёл и встал напротив Арзуханяна. Тогда Мишка тоже подошёл и встал сзади Толика. А Женя Громов встал сзади Мишки.

– Да ты не бойся, – сказал Арзуханян и сплюнул на ботинок Толика, но не попал.

– Да я не боюсь, – ответил Толик и сплюнул на ботинок Арзуханяна и попал.

– Ах так? – сказал Арзуханян.

– Да, так... – ответил Толик.

– Ну, тронь... – сказал Арзуханян.

– А ты тронь, – ответил Толик.

– Я-то трону.

– Попробуй.

– Я-то попробую.

– Чего же ты не трогаешь?

– Я-то трону, – сказал Арзуханян, размахнулся и стукнул Громова.

– Ты чего дерёшься! – закричал Громов и стукнул Мишку.

– Ты чего пристаёшь! – закричал Мишка и стукнул Лёню Травина.

Лёня Травин очень удивился. Он подумал немного, вынул из кармана свои драгоценные руки и стукнул Арзуханяна. Началась свалка. Громов, Арзуханян, Травин и Мишка колотили друг друга, а Толик стоял рядом, но они как будто не замечали его. Они кричали:

– Вот тебе за Анну Гавриловну!

– Вот тебе за пятёрку!

В общем, поднялся такой шум, что ворона, примостившаяся на ночь под крышей школы, проснулась, посмотрела вниз, каркнула и полетела досыпать на другую улицу.

Интереснее всего было то, что Арзуханян всё время пытался стукнуть Громова, хоть они и дружили с первого класса. А Травину, который вообще уж ни в чём не был виноват, больше всего доставалось от Мишки. А сам Травин не обращал на Мишку внимания. Он вцепился в Арзуханяна и выкручивал ему ухо своими музыкальными пальцами.

Всё это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошёл какой-то гражданин с веником под мышкой. Наверное, он шёл из бани, потому что лицо у него было красное, распаренное. Недолго думая, он хлестнул Травина

по спине веником, затем оттащил Арзуханяна от Громова и сказал басом:

– А ну, кто хочет в милицию?

Больше он ничего не успел сказать. Через секунду на месте драки никого не осталось. Травин, Арзуханян и Громов удирали через проходной двор. Они бежали очень быстро, хотя за ними никто не гнался. А Мишка и Толик улепётывали на другую сторону улицы. Они пробежали квартала два и пошли шагом.

– Ничего себе дела, – сказал Мишка, когда немного отдышался. – Я даже не понимаю, чего я с ними драться стал. Я думал за тебя заступиться. А они тебя даже не тронули. Я драться не хотел. Только знаешь чего... – Мишка оглянулся и прошептал: – У меня руки будто сами размахивались. Честное слово! Я хочу в сторону отойти, а меня будто кто-то не пускает. И руки сами размахиваются... И я – бац! бац! А сам даже не хочу вовсе.

– У тебя, Мишка, руки правда сами размахивались, – подтвердил Толик. – Ты не виноват. Это я виноват. Я про всех загадал, а про тебя забыл загадать, чтобы тебе не драться.

– При чём тут «загадал»? – удивился Мишка.

– При том. Знаешь, у меня чего есть?

– Чего?

– А ты никому не скажешь?

– А я про милицию сказал? – обиделся Мишка.

– Тогда слушай, – сказал Толик. – Сначала ты не поверишь. Но я тебе докажу. У меня есть...

Но тут Толик замолчал. Он вдруг подумал, что Мишке не надо рассказывать про коробок. Конечно, Мишка – друг. Он никому не проболтался про милицию. Но одно дело милиция, а другое – коробок. За этот день Толик так привык к чудесам, что ему казалось, будто он всю жизнь живёт с этим коробком. А Мишка может кому-нибудь проговориться. Тогда у Толика коробок отнимут. Или стащат. Можно сказать, один раз в жизни повезло. Зачем же болтать об этом первому встречному? Конечно, Мишка не первый встречный. И Толик обязательно с ним поделится. Он даст Мишке пять спичек. Или даже десять. А может быть, половину. Но не сейчас. Потом. Завтра. Или послезавтра.

– Так чего у тебя есть? – нетерпеливо спросил Мишка.

– Да ничего у меня нет, – сказал Толик. – Просто я пошутил.

– А ты не врёшь? – подозрительно спросил Мишка.

– Нет. Когда я тебе врал? – спокойно ответил Толик.

– А за что тебя в милицию забрали?

– Дорогу перешёл неправильно.

– Я хотел с тобой вместе в милицию пойти, а потом испугался, – признался Мишка.

– Всё равно ты бы ничего не сделал, – сказал Толик. – Они же сильнее.

– Сильнее, – согласился Мишка.

Некоторое время приятели шагали молча. Они уже подошли к переулку, где жил Толик. И тут Мишка спросил:

– Толик, а почему тебе Анна Гавриловна пятёрку поставила? Ты же плохо отвечал. Я ведь сам слышал.

– Я неправильно загадал... – начал было Толик и спохватился. Конечно, загадал он неправильно. Нужно было загадать, чтобы хорошо ответить. А он сломал спичку и сказал: «Пускай мне поставят пятёрку». Анна Гавриловна ничего не могла поделать. Ей пришлось поставить пятёрку за плохой ответ.

А ребята всё заметили. Про них Толик ведь не загадывал. Больше он такой глупости не сделает. Но Мишке пока знать об этом совсем не обязательно.

«Костёр» 1963, № 10, № 11

Рисунок художника **Ники Яковлевой**

Поэты у «Костра»

В сказке С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» у лесного костра собираются те, кого судьба привела в новогоднюю ночь на волшебную поляну. Вот и к нашему «Костру» литературные тропинки привели немало замечательных поэтов. Некоторые из этих имён широко известны, а другие знакомы лишь знатокам истории литературы.

Прежде всего это были авторы знаменитых журналов «Чиж» и «Ёж»: Николай Олейников, Александр Введенский и Даниил Хармс. Из них самым плодотворным на страницах «Костра» сделался А. Введенский: один за другим в нашем журнале появлялись его детские и одновременно философские стихи «Это мы», «Песня птиц», «Когда я вырасту большой», «Река» и другие. Так с самого начала в «Костре» была задана высокая поэтическая планка. Эту планку поддерживали в журнале другие знаменитые авторы тридцатых–сороковых годов XX века: А. Прокофьев, В. Рождественский, Н. Тихонов, А. Барто, С. Михалков.

Постоянными авторами «Костра» стали в предвоенные и военные годы А. Гитович, О. Берггольц, В. Инбер, Л. Хаустов, М. Дудин, А. Чивилихин. В первом номере 1941 года на страницах нашего журнала впервые появился знаменитый персонаж Александра Твардовского неунывающий боец Вася Тёркин, который сражался на финской войне.

На протяжении многих лет в журнале печатались весёлые игровые и публицистические сатирические стихи Владимира Лившица («Футбольный матч», «Таинственная дача», «Как немецкий генерал поросёнка отбирал» и т. д.). В пятидесятые годы эту интонацию продолжил дуэт Льва Гаврилова и Вольта Суслова, а потом Генрих Сапгир, Роман Сеф, Александр Шибаев, Олег Григорьев, Вячеслав Лейкин, Михаил Яснов, Александр Кушнер, Алексей Шевченко.

Наряду с игровой поэзией важное место занимала на страницах «Костра» и поэзия лирическая: стихи Глеба Семёнова, Глеба Горбовского, Нонны Слепаковой, Вадима Шефнера. Нашумело в своё время стихотворение Иосифа Бродского «Баллада о маленьком буксире», опубликованное в № 11 «Костра» 1962 года – первое напечатанное в нашей стране стихотворение будущего нобелевского лауреата.

«Костёр» внимательно следил за новинками зарубежной детской поэзии и переводил иностранную поэтическую классику: от Овидия до Стивенсона, Лонгфелло и поэтов абсурда – Льюиса Кэрролла и Эдварда Лира. Ряд переводов был сделан для «Костра» самим С. Я. Маршаком.

Олег Григорьев

Моряк

Молодой моряк в матроске
Вышел к берегу реки.
Снял матроску по-матросски,
Снял морские башмаки,

По-матросски раздевался,
По-матросски он чихнул,
По-матросски разбежался
И солдатиком нырнул.

«Костёр» 1967, № 12

Рисунки художника
Дарёны Решетиленко

* * *

– Яму копал?
– Копал.
– В яму упал?
– Упал.
– В яме сидишь?
– Сижу.
– Лестницу ждёшь?
– Жду.
– Яма сырá?
– Сырá.
– Как голова?
– Цела.
– Значит, живой?
– Живой.
– Ну, я пошёл домой.

«Костёр» 1967, № 12

Вадим Шефнер

Рассвет на заливе

Когда-нибудь всё позабуду,
Но это останется вам:
Рассвет, будто тихое чудо,
Ступает по тихим волнам.

И сосенок тени, как лыжни,
От рощицы наискосок
На берег легли неподвижно,
Впечатались в белый песок.

Камней добродушные глыбы
В ночных бородавках росы,
И пахнет непойманной рыбой
Вода у песчаной косы.

«Костёр» 1961, № 8

Первая зелень

В прозрачном и праздничном воздухе
На север летят журавли,
Травинок зелёные гвоздики
Проткнулись к нам из-под земли.

Торчат, коротки и не шёлковы,
Иголочки ранние трав,
Средь них одуванчики жёлтые
Встают у дорожных канав.

Встают над весенними лужами,
Просторами удивлены,
Доверчивые, неуклюжие
Посланцы земной глубины.

«Костёр» 1961, № 8

Александр Кушнер

Ленинградские реки

Привели меня к дому сперва,
Где жил Пушкин. Сказали: «Постой-ка».
Я спросил: «Эта речка — Нева?»
Мне сказали: «Ты что, это ж Мойка!»
А потом вроде узкого рва
Видел речку свинцового цвета.
Я спросил: «Неужели Нева?» —
«Нет, канал Грибоедова это».
А потом шелестела листва.
Сколько статуй! Какая прохлада!
Я спросил: «Эта речка — Нева?» —
«Нет, Фонтанка, у Летнего сада».
А потом — синева, синева,
Шпиль и солнце, и волны, и ветер.
Я не спрашивал: «Это Нева?»
Я и сам бы любому ответил.

«Костёр» 2016, № 9

Марка

На почтовой марке
Нарисована страна,
Где климат очень жаркий,
Пальма, море и волна.
И надпись круговая
На нерусском языке.
Ах, марочка чужая
На моей лежит руке!

Помещу я марку эту
Рядом с маркой, где во льдах
Кораблям прохода нету
И медведь бредёт впотьмах.
Может, льдины и торосы
Отойдут от кораблей,
И почувствуют матросы,
Как становится теплей!

«Костёр» 1970, № 8

Михаил Яснов

* * *

Вот как я семью нарисовал:
Мама — круг,
А бабушка — овал,
Папа — треугольник,
Младший братик —
Этот замечательный квадратик.
Как же я себя изображу?
По бумаге пёрышком вожу,
То туда вожу им,
То обратно я —
Получилось что-то непонятное:
Уголки,
Неровные края...
Мама, неужели это я?

«Костёр» 2007, № 11–12

У бабушки

Мир
Полон
Звуками забытыми:
Лошадка цокает копытами,
Дрова трещат за дверцей печки
И вёсла шлепают на речке.
Кусты шуршат за стенкой дома —
А в доме пахнет так знакомо:
Горячим хлебом,
Банным веником
И старым трехколёсным
великом...

«Костёр» 2016, № 9

Алексей Шевченко

Диета

Вот секрет
Моей диеты:
Ем пирожные,
Конфеты
И фруктовый
Мармелад.
Шоколаду
Тоже рад.
Обязательно
Печенье,
Тортик к чаю
И варенье.
Ах, как нравится
Мне эта,
Очень вкусная
Диета!
Результат её
Таков:
Есть живот
И нет зубов!

«Костёр» 2016, № 8

Пень

Я в лесу
Увидел
Пень.
Пнул я
Пень,
Когда
Был день.
Шёл я
Ночью
Мимо
Пня,
В темноте
Пень
Пнул
Меня!

«Костёр» 2016, № 8

Рисунки художника
Дарёны Решетиленко

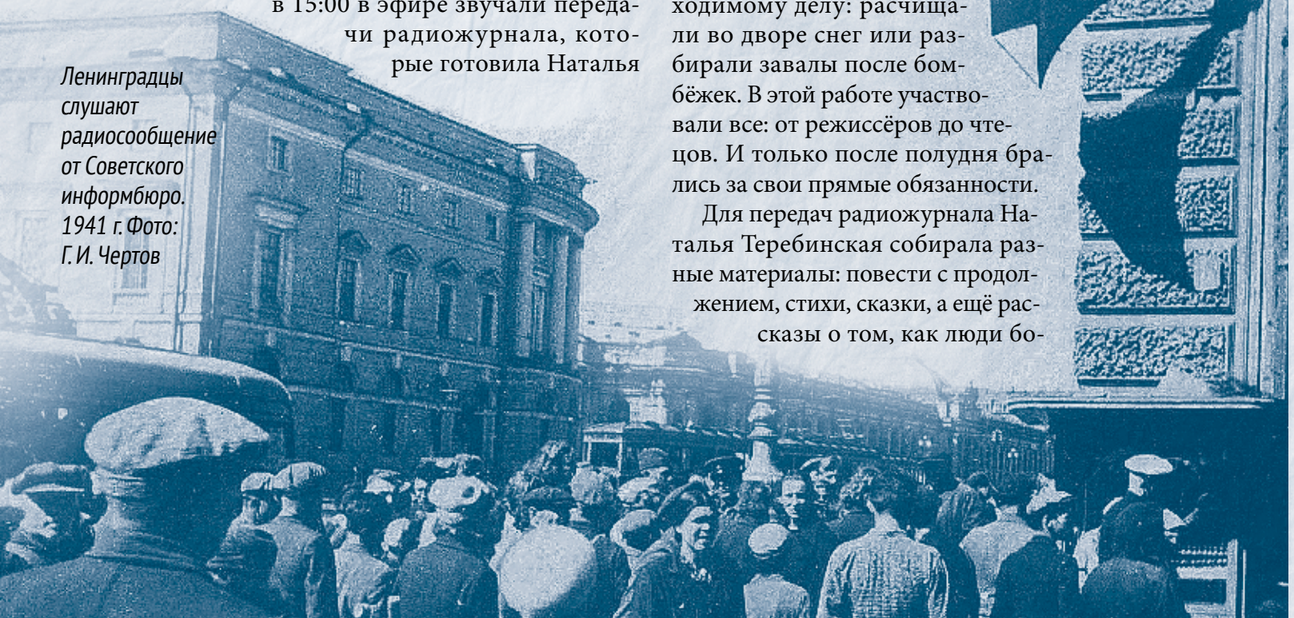
«Костёр» в годы блокады

Все тяжёлые военные годы журнал «Костёр» продолжал работу и оставался с ленинградскими школьниками, которым пришлось слишком рано повзрослеть. О том, как работала редакция в это сложное и страшное время, мы можем узнать из воспоминаний **Натальи Владимировны ТЕРЕБИНСКОЙ** – ответственного секретаря, а затем заместителя главного редактора, человека уникального, сыгравшего важнейшую роль в судьбе нашего журнала.

Наталья Владимировна пришла в «Костёр» ещё в 1936 году, в самом начале его пути, и оставалась в редакции до 1974 года. Во время блокады на её плечи легла главная тяжесть работы.

В своих воспоминаниях она рассказывает, что многие сотрудники журнала – авторы, художники, журналисты – ушли на фронт, репортёры стали военными корреспондентами, в городе многие погибли от артобстрелов, голода и холода. Но «Костёр» не сдавался и продолжал «гореть» и работать для читателей.

В 1942 году в Ленинграде почти остановились типографии. Из всей редакции в городе остались буквально несколько человек. Тогда приняли решение: выпускать «Костёр» по радио. Теперь, кроме работы в редакции, которая размещалась в одном из помещений Дворца пионеров, журнал продолжил работу в студии Ленинградского радио на Итальянской улице. С февраля 1942 года каждый четверг ровно в 15:00 в эфире звучали передачи радиожурнала, которые готовила Наталья Владимировна, собирая материалы от авторов по всему городу.

Ленинградцы слушают радиосообщение от Советского информбюро. 1941 г. Фото: Г. И. Чертов

Радиоаппаратура не любила холода, поэтому в помещении студии старались поддерживать тепло. Для эфиров важна была звукоизоляция, чтобы шум с улицы не мешал записи. О буднях на радио Наталья Теребинская вспоминает: «В студии будто и нет войны. Светло, тепло… Шумы войны – разрывы снарядов, лай зениток, вой сирены – мы так ненавидели этот надрывный зловещий сигнал! – не проникали сюда. Часто мы, будучи на работе, и не подозревали, что в городе уже объявлена тревога, что там, на улицах, уже не звучит голос диктора или актёра, а мерно постукивает метроном».

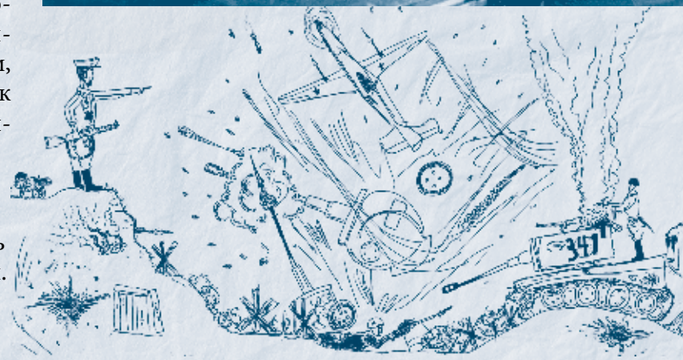
Однако утро у сотрудников радио начиналось не с эфиров и текстов, и даже не в самой студии. Приходя на работу, они сначала приступали к рутинному, но необходимому делу: расчищали во дворе снег или разбирали завалы после бомбёжек. В этой работе участвовали все: от режиссёров до чтецов. И только после полудня брались за свои прямые обязанности.

Для передач радиожурнала Наталья Теребинская собирала разные материалы: повести с продолжением, стихи, сказки, а ещё рассказы о том, как люди борются с врагом. К микрофону приглашали самых разных гостей: бойцов, тимуровцев, юных рабочих заводов, девушек из отрядов противовоздушной обороны, операторов кинохроники. Каждый такой рассказ показывал ребятам, чем они могут помочь, как быть полезными, как не опускать руки. Журнал не только рассказывал о современных героях на фронте и в тылу, но и напоминал о том, как в разные времена наш народ давал отпор захватчикам. Так у ребят появлялось чувство, что они – часть большого общего дела, часть истории страны.

В День 85-й годовщины начала блокады Ленинграда на улицах Петербурга прозвучала аудиоверсия спектакля «“Костёр” – голос Победы». Здесь вы можете посмотреть полную видеопостановку.

Сын фронтовика передаёт по радио привет отцу. 1942 г. Фото: Б. С. Лосин

Выдерживать рабочий график было непросто. В редакции могли ждать материал к определённому сроку, но внезапно объявлялась воздушная тревога. Трамваи останавливались, всех отправляли в укрытия, и рабочий процесс прерывался на несколько часов. Бывало, что сотрудники уходили из Радиокомитета втроём, а возвращались уже вдвоём: осколок или случайный снаряд мог в одно мгновение изменить всё. Так погиб художник Василий Николаев – его смертельно ранило по дороге.

Несмотря на все трудности, передачи выходили регулярно. Радиожурнал «Костёр» звучал почти два года. А с осени 1942-го понемногу стали возвращаться и печатные выпуски. С 1943 года Наталья Владимировна как ответственный секретарь редакции отвечала за выход бумажного «Костра», сотрудничая с типографией имени Евгении Соколовой – это была одна из немногих типографий, которые продолжали работать в блокадном городе.

Однажды зимой 1943 года в редакцию принесли номер «Пионерской правды», который чудом был доставлен через вражеское кольцо. В газете перепечатали рассказ Г. Алёхина «Немец поневоле», опубликованный в «Костре» годом раньше, и коротко написали, что детский журнал в Ленинграде продолжает выходить. Для сотрудников эта заметка стала добрым вестником, она означала, что о них помнят, что на «большой земле» знают: жизнь и работа в осаждённом городе не остановились.

Наталья Владимировна в своих воспоминаниях пишет, что страшнее холода и голода была постоянная тревога за близких, ожидание сирены, неизвестность. Люди жили в состоянии непрерывного напряжения и всё равно находили силы готовить передачи, писать, редактировать, поддерживать друг друга.

«Костёр» всегда старался говорить с детьми на одном языке, помогать им ориентироваться в происходящем, находить опору в истории и в поступках современников. Не теряя свой голос и в сложное военное время, благодаря таким самоотверженным и стойким людям, как Наталья Владимировна Теребинская, журнал помогал читателям сохранять силы и веру в будущее.

Екатерина ИСАЕВА

Фотографии предоставлены ЦГАКФФД Санкт-Петербурга. Рисунки воспитанников изостудии СПбГДТЮ предоставлены выставочным фондом изостудии

Советы Мэри Поппинс

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

Постоянным читателям «Костра» хорошо знакома Ольга Шурыгина, психолог, ведущая рубрики «Советы Мэри Поппинс». Но и прежде авторы «Костра» давали на страницах журнала полезные советы. А в начале 1941 года с такими советами выступил даже знаменитый писатель **Михаил Михайлович ЗОЩЕНКО!**

Конечно, Зощенко не похож на Мэри Поппинс и на Ольгу Шурыгину. И советы у него получились скорее не психологические, а воспитательные. Но давайте не забывать, что и мисс Мэри Поппинс, героиня книги Памелы Трэверс, занималась именно воспитанием своих подопечных. Так что чем-то Михаил Зощенко на неё всё-таки похож...

Разве это неудобно?

Смелый, да не очень

Один мой знакомый мальчик Коля Ф., отличный ученик и прекрасный, смелый физкультурник, однажды ехал в трамвае. Он сидел недалеко от выхода и не видел меня.

На остановке в вагон вошёл седенький старичок с узелком в руках.

Коля сделал движение, чтоб уступить ему место. Он даже немножко привстал. Но потом покраснел, оглянулся по сторонам и остался сидеть на своём месте.

Когда я выходил из вагона, я спросил Колю:

— Почему ты покраснел и почему не уступил место, как хотел это сделать?

Коля покраснел ещё больше и чуть слышно ответил:

— Мне было неудобно. Я подумал, что кто-нибудь засмеётся. И кто-нибудь скажет: «Какой благовоспитанный мальчик».

Я сказал:

— Значит, у тебя не хватило смелости. Смелые люди не считаются с тем, что смеётся какой-нибудь дурак. Значит, ты смелый, да не очень.

Любимое занятие

Одна учительница сказала ученикам:

— Дети, расскажите мне, какое у вас любимое занятие дома.

И все ученики по очереди стали рассказывать. Одни говорили, что их любимое занятие — фотография. Другие говорили о марках. Третьи — о шахматах и шашках. А когда очередь дошла до Павлика Н., он замялся и ничего не ответил. А потом пробормотал: «Мне неудобно ответить на ваш вопрос. В классе будут смеяться».

Учительница сказала:

— Тогда подойди ко мне и скажи тихо.

Павлик подошёл к учительнице и тихо сказал:

— Я люблю шить.

Учительница громко сказала:

— Ребята, Павлик любит шить. Это очень хорошо и похвально. И я не думаю, что в классе кто-нибудь засмеётся.

Один из учеников, засмеявшись, сказал:

— Но это девчонкино дело — шить.

Учительница сказала:

— Вовсе нет. Вы забыли, что есть портные. И среди них есть знаменитые и прославленные мастера. Это великолепная профессия. И все мужчины должны хотя бы немного уметь шить. В военных походах и путешествиях это может пригодиться.

Тогда встал один ученик и, вздохнув, сказал:

Рисунки художника **Елены Болговой**

— Я сказал неправду, что моё любимое занятие — шашки. Я их ненавижу. Я тоже шить люблю.

Тут встал ещё один ученик, Федя С., и тихо прошептал:

— Я тоже сказал неправду про марки. Я люблю убирать комнату. Люблю подметать и вытирать пыль.

В классе все засмеялись. И кто-то крикнул:

— Он будет дворником!

Учительница сказала:

— Ничего смешного в работе дворника нет. Мы любим и уважаем всякий труд. И труд дворника мы высоко оцениваем. Это исключительно полезный труд. А то, что Федя любит чистоту и порядок, не означает, что он будет дворником. Он аккуратен и любит чистоту — значит, он любит культуру. И значит, он, скорее всего, будет учёным. А тот, кто любит какое-нибудь занятие, но занимается в грязи, тот не добьётся хороших результатов.

Кто ваши родители

Недавно ко мне в гости пришли две маленькие девочки.

Я спросил одну из них, Катю:

— Кто твой папа?

Катя ответила:

— Мой папа инженер.

Тогда я спросил другую девочку, её подружку Олю:

— А твой папа кто?

Маленькая Оля, смущённо опустив глазки, ответила:

— Мой папа… мой папа… тоже инженер, нет, он техник…

Маленькая Катя, засмеявшись, сказала:

— Она вам говорит неправду. Её папа не техник. Её папа парикмахер. Он стрижёт и бреет людей.

Я сказал:

— Это очень полезное и важное дело — брить людей. Если б не было парикмахеров, люди ходили бы как дикобразы… Это не менее важная профессия, чем профессия инженера.

Маленькая Катя ответила:

— Да, но парикмахеры стригут инженеров — они их обслуживают.

Я сказал:

— А инженеры обслуживают парикмахеров — они им строят дома, дороги, изобретают машинки для стрижки волос и делают бритвы.

Маленькая Оля сказала Кате:

— Ага! И, кроме того, мой папа очень хороший парикмахер. А твой папа — ещё неизвестно какой инженер.

Катя сказала:

— Мой папа тоже очень хороший инженер.

Я сказал:

— Вот и хорошо. На этом вы и примиритесь. Плохих профессий не бывает. А бывают плохие и хорошие работники. А раз ваши папы очень хорошие работники, значит, всё обстоит прекрасно.

Две подружки попрощались со мной и, обнявшись, ушли.

«Костёр» 1941, № 4

Зелёные страницы

Рисунок художника **Ники Яковлевой**

«Костру» повезло: о природе на его страницах рассказывали самые знаменитые писатели-натуралисты: **Виталий Бианки, Ян Ларри, Евгений Чарушин.** Ян Ларри, кроме отдельных статей и незабываемых «Приключений Карика и Вали», вёл в журнале рубрику «Спутник юного рыболова». Продолжительным вышло и сотрудничество с **В. Бианки,** который в пятидесятые годы стал редактором отдельной рубрики журнала «Заячий вестник». Свои рассказы о природе публиковал в журнале и старейший природовед **И. С. Соколов-Микитов.**

В тридцатые и сороковые годы постоянными авторами журнала были ботаники **Н. М. Верзилин** и **Г. К. Крейер,** занимательные статьи которых рассказывали о диковинных растениях, учили делать необычные гербарии, выращивать огородные культуры без сорняков, собирать лекарственные травы.

С конца пятидесятых годов эстафету от старших коллег принял **Николай Сладков.** В 1961 году он опубликовал в журнале главы из своей повести «Планета чудес, или Невероятные приключения путешественника Парамонова», посвящённой неожиданным явлениям природы, о реальности или фантастичности которых должны были догадаться читатели. Затем вёл «Охоту с фотоаппаратом» и «Охоту за птичьими голосами», а в семидесятые годы возглавлял рубрику «Зелёные страницы». Некоторые публикации Н. Сладков готовил вместе с **Алексеем Ливеровским,** который под псевдонимом **Охотник дядя Лёша** вёл в журнале «Школу следопытов».

А с конца XX века и до сих пор рубрику «Зелёные страницы» ведёт **Нина Анатольевна Медведева,** кандидат биологических наук, сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН. На страницах рубрики родилась идея проведения экологической экспедиции для школьников «Живая вода», которая с 1989 года проходит ежегодно.

Заячий вестник

ИЗДАТЕЛЬ **ВИТАЛИЙ БИАНКИ**

Летела сорока мимо школы. Слышит — шум. Села на крышу над открытой форточкой. Шум из форточки слышен. Юннаты в классе собрание проводят. Каждый вслух читает, где летом был и что видел.

Вдруг все как захохочут! Крик, стук, бряк!

Оказывается, это юннаты Брехунков и Правдочкин прочитали свои сочинения. Всех расшевелили.

Одни кричат: «Им фамилии надо поменять!»

Другие кричат: «Не надо меняться, правильные фамилии!»

Вот эти сочинения. Прочтите. Внимательно. Не спеша. И пришлите нам ответ: правильные у ребят фамилии или лучше им поменяться?

Лесной поход

Лето я провёл в пионерском лагере под Ленинградом. В день летнего солнцестояния мы собрались в поход. Вышли в семь часов утра — солнце только-только показалось над горизонтом. Солнце встаёт на востоке.

Лесная тропинка то и дело поворачивала, виляла. Пахло цветущей черёмухой. Пели на деревьях птицы: трясогузки, каменки, серые мухоловки. Громко трещала иволга, высовывая головку из дупла. В дупле было её гнездо. На ёлке мы увидели дятла. Он оторвал лапкой шишку, вцепился в неё коготками и понёс её в свою «кузницу» — расщелинку в стволе ели. Зажав шишку в щели, разбил носом, выклевал из неё все семена и полетел кормить ими птенцов. Птенцы дятла молча сидели в гнезде и терпеливо дожидались родителей. Хорошо было им в круглом гнёздышке под еловой лапкой!

Рисунки художника **Ксении Почтенной**

Самыми заботливыми родителями оказались папа ворон и мама ворона. Они по очереди приносили воронятам разные лакомства: красную рябину, майских жуков, лягушачью икру. Голопузые воронята встречали родителей радостным карканьем.

По лесной тропинке мы вышли на болото. На краю мохового болота сразу заметили белую куропатку и зайца-беляка. Белые — далеко их видно. Куропатка склёвывала с кочек красную клюкву, а заяц грыз кору на осинке.

До вечера ходили мы по лесу и наблюдали. Но вдруг пошёл дождь. Ударил гром, потом сверкнула молния. Солнце садилось на западе.

Мы побежали домой. Домой вернулись поздно, в девять часов вечера. Было уже темно. Все устали, но очень были довольны лесным походом.

Ученик 5 А класса **Брехунков Витя**

По горам, по долам

Был я летом на Кавказе. Где был, что видел — ни в сказке сказать, ни пером описать!

Помню, иду по горе и вижу — бежит по горе птичка с рожками! Я к ней, чтобы разглядеть, а она — порх! — улетела. Мой товарищ Аршак

говорит: «Это что! Хочешь, я тебе каменных птиц покажу?»

Ещё бы не хотеть. «Показывай, — говорю, — скорей!»

— Да вон на камнях сидят, — показал Аршак.

Вижу — на каменной глыбе два птичьих силуэтика. Один размером с воробья, другой — с дрозда. Не пошевелятся, как каменные!

Аршак говорит: «Побольше — это каменный дрозд, а поменьше — каменный воробей».

А я про себя подумал: «Им, каменным-то, наверное, и рогатка нипочём!»

А читали вы в сказке про синюю птицу? Так вот, такую сказочную птицу я своими глазами видел. Сидит себе на шёлковом дереве-шелковице и клюёт спелые белые ягоды. А сама синяя, как вечернее небо. А росточком небольшая — с дрозда.

Соловья слушал. И чего его песни так уж расхваливают? Так себе песенка, тихая. А вот пёрышки у него красивые. Грудка рыжая, хвостик чёрный. А горлышко — белое.

Ну, скворца я сразу узнал. Он заметный. Весь атласно-розовый, а головка, крылышки и хвост — чёрные.

Но самое интересное — это черепашьи пятнашки. Своими глазами видал — честное пионерское! Потеха: бегают черепахи со всех ног, в пятнашки играют. Одна другую догонит — и стук щитком, запятнает. Только и слышно: стук, стук, стук!

Эх! Да то ли я ещё видел! Но для первого раза — хватит!

Ученик 5 Б класса **Правдочкин Митя**

«Костёр» 1958, № 2

Почему я стал художником

***Евгений Иванович Чарушин** – Заслуженный деятель искусств РСФСР, всемирно известный художник и писатель. Он оформил больше ста книг, из них пятьдесят – с собственными текстами. Кто из ребят не знает книг Е. Чарушина «Почему Тюпа не ловит птиц», «Шутки», «Томкины сны», «Большие и маленькие»…*

Чем впечатляют, чем волнуют нас произведения Е. Чарушина, вы поймёте, когда прочтёте то, что он сам рассказывал о себе.

Мой отец – художник и архитектор. Мать – животновод и огородник. Жили мы в Кирове, и всё моё детство прошло в лесу, в саду, в поле и огороде, среди диких зверей и домашних животных.

Самые ранние и самые яркие для меня впечатления вот какие: курица-квохтушка высидела цыплят.

Так как она нервная, мама моя цыплят в лукошко отобрала, чтобы они обсохли, окрепли, а то их кура может «заступать» лапами.

Вот лежат эти цыплята в лукошке на тёплой печи и попискивают в темноте. Обсыхают. А я лежу, смотрю и слушаю. И всё как-то удивительно.

Приятель Бобка – трёхногий пёс.

На него все наступали, потому что он спал на повороте тёмной лестницы. И каждый раз жалобно визжал.

Или мать принесёт на кухню поросят от опоросившейся свиньи. Аккуратненьких, чистеньких,

голубоглазых. Или телёнка с разъезжающимися ногами. Или вдруг мне подарят тетёрку. Живую, с базара. Или голубя.

Брюшным тифом я заболел только потому, что пробовал, вкусно ли едят цыплята, – пробовал всё, что они клевали с земли.

Букву «Р» научился говорить в семь лет. Сидел на заборе и передразнивал ворону. Передразнивал, передразнивал и вдруг закаркал по-настоящему.

Я ловил птиц. Сам делал западни. Синицы, чижи, снегири – по-вятскому фыпы – никогда у меня не переводились.

И до сих пор я так люблю эту птичью мелочь, что в моей мастерской до самой войны жило двадцать девять разных пичуг.

Я стал рисовать зверей и птиц. А когда – не помню, так как карандашей у нас в доме всегда было много. А с пяти лет я бегал в соседнюю чучельную мастерскую, рисовал чучела всех пород уток.

Отец брал меня во все свои поездки по Кировской области. Он там возвёл более пятисот построек.

Ездили мы и днём и ночью, лесами и лугами, в пургу и осеннюю непогоду. И волки за нами гнались, и въезжали мы на токовища тетеревов, и глухарей вспугивали с вершин сосен. Случалось, что и в болоте тонули.

Фотографии из архива семьи Чарушиных

И восход солнца, и туманы утренние, и как лес просыпается, птицы запевают, как колёса хрустят по белому мху, как полозья свистят на морозе, – всё это я с детства полюбил и пережил.

Моя мама научила меня с какой-то другой стороны смотреть и удивляться силе и красоте природы и всему её разнообразию и великолепию. Она огородница, она и садоводка – она копательница в земле.

И мы вместе с ней поражались, глядя как из земли, из проталины, вылезает маленький неизвестный ещё росток. Не зелёного ещё цвета, а красный, фиолетовый, упругий. И с каждым днём из этой несчастненькой штучки-пупырушки развивается, создаётся, растёт сложное, красивое растение – цветок. Она, моя мать, научила меня удивляться силе и чуду произрастания.

Я очень благодарен моим родным за моё детство, потому что все впечатления его остались для меня и сейчас наиболее сильными, интересными и замечательными. И если я сейчас – художник и писатель, то только благодаря моему детству. Многое бы я ещё рассказал: как я раздобыл ружьё и стал охотиться в одиннадцать лет, как шатался по лесам и болотам, что слыхал об охотниках, как убегал от медведя, как убил первого волка, как лисицу перехитрил, как учился ставить капкан и сам в него попал, как заблудился в лесу и как в конце концов сделался настоящим хорошим охотником.

И вот вся моя страсть охотиться, вся моя любовь к зверям и птицам, к родной природе оказались очень и очень нужны.

Нет большего счастья для художника и для писателя, как создавать свои любимые образы, переживать их и знать в то же время, что это дело, нужное всем ребятам страны.

Ведь наша родина – это не географическое понятие. Карту на бумаге полюбить очень трудно, а ведь родина – это и запах сосны и ели, и аромат полей, и поскрипывание снега под лыжами, и синее морозное небо, и птичье пенье на заре, и впечатление от охоты на волков, и воспоминания о варке ухи на берегу.

Я горд и счастлив тем, что за мою работу для детей мне присвоено звание заслуженного деятеля искусств. Но ещё ценнее и важнее – любовь и отзывы читателей. Это всегда будет оставаться наивысшей наградой.

Евг. Чарушин

«Костёр» 1946, № 4

Настенные росписи, выполненные Евгением Ивановичем Чарушиным во Дворце пионеров города Кирова в 1944 году.

© Е. И. Чарушин, наследники, текст, произведения, 2026

Николай СЛАДКОВ

Болтливые окуни

Когда я ещё маленьким был, удил я как-то на Чёрной речке.

Ну, поймал двух окушков-недомерков. Если бы я удил на озере Светлом или Голубом – другое бы дело. Но Светлое и Голубое для меня строго-настрого заказаны.

– Вот в пятый класс перейдёшь – тогда шагай. А чтоб сейчас – ни-ни!

А до пятого класса ещё почти всё лето, вся осень, зима и весна. Попробуй вытерпи! Одиннадцать месяцев, триста тридцать пять дней! Нет, столько не вытерпеть. Не стоит и пробовать.

Да и не один я на озеро пойду! Пойду с зорькой, вернусь с зорькой. А пристанут – скажу, на Чёрной речке удил. Рыба немая, не проговорится. И сам буду молчать как рыба.

Отвёл я душеньку!

Сперва, правда, чтоб совесть не очень мучила, на речке поудил. Ну, поймал недомерковмизинчиков – то не ловля!

И подался я тогда на озёра. Вот уж где поплавком по воде постучал! И на Светлом и на Голубом.

Червяки у меня – сам бы ел! Окушки с ладонь засекаются, успевай только вываживать. Наловил окуней полон кукан.

И с вечерней зорькой домой. Как по воздуху лечу, ног под собой не чувствую. Рука с куканом занемела, шнур в пальцы впился. Первый раз столько наловил – вот ахнут!

И ахнули...

– Где ловил? – прищурился на окуней отец.

– Всё где да где! – отвечаю.– Известно где, на Чёрной речке!

– Ах ты врун несчастный! – ахнул отец.– На Светлом и на Голубом ловил!

– Ах ты ж, господи! – ахнула мать.– Один, без спроса, как не утонул!

И заахали, и заохали!

Я уж и кукану тяжёлому не рад. Молчу как рыба. И про то, что не один я на озёра ходил, а с зорькой,– молчу. Сейчас их этим не рассмешишь – уж я-то знаю! Стою растираю пальцы.

Но в первую же передышку спрашиваю отца:

– Какой болтун тебе про озеро наболтал?

– Окуни твои разболтали!

«Ага! – смекаю.– Ничего-то он не знает. На удочку меня ловит! Окуни – рыба. Молчат».

Говорю разведывательно:

– Я и на речке ловил.

– Знаю, что ловил! – отвечает отец.– Вот эти окушки мне про речку сказали! – И тычет мне в нос тех самых окушков, которых я на речке выудил!

Я даже руку растирать перестал. Всё знает. Окуни выдали!

А отец дальше:

– Вот этих ты на Светлом поймал, а этих – на Голубом.– Пальцем тычет в окуней и хоть бы на одном ошибся!

– Ладно,– говорю,– не утонул же!

– Рыба хоть и немая, но не глухая! – говорит отец.– Страсть не любит, когда при ней врут. До того не любит, что даже говорить начинает и с головой выдаёт врунов!

Говорит так отец, а сам окуней моих на три кучки раскладывает. Разложил и позвал мать.

– Я уеду скоро, так вот знай. Зелёные окуни – из Светлого озера. Вода там прозрачная, чистая, зелёного тростника и камыша много. И окуни в нём живут зелёные. А вот эти окуни, с голубизной,– из Голубого. Вода в озере голубоватая – вот и окуни под цвет воды. А в Чёрной речке дно торфяное и вода в ней как крепкий чай. И окуни – видишь? – буроватые. Так ты без меня по окуням проверяй, врёт сын или нет. Как принесёт голубых либо зелёных – бери палку!

Отец матери наставление читает, а я уставился на голубых и зелёных окуней – глаз отвести не могу! Будто впервой их увидел. Забыл, что и выдали они меня. Как у них с расцветкой-то здорово получается! Какая вода – такие и окуни.

Вспомнил я, что говорили пастухи про какое-то Жёлтое озеро, да ещё про Синее. Много разных озёр в нашем краю.

Эх, скорее бы это будущее лето, скорей бы пятый класс!

Подумать только, до новых каникул ещё одиннадцать месяцев!

Триста тридцать пять дней!

Не утерплю, не миновать мне палки!

Рыцарь

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубатые щуки. И вдруг накинулся малыш, ростом с палец! Тело его защищено широкими блестящими пластинками. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец – три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колючек и бесстрашно встал на моём пути. Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока – как серебро, а щёки малиновые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, ткнул палец трезубцем, и из пальца вязкой струйкой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого роголистника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смелого рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его был размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый: с одной стороны вход, с другой – выход. А в домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому.

Ни на миг он не забывал о врагах. Даже проплывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он сразу «менялся в лице», глаза его зеленели, и на скулах выступали красные пятна. Даже белый живот краснел от гнева.

По цвету живота можно было сразу узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем, и с великаном-человеком.

Кто бы мог подумать, что даже простая колюшка становится рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-папа сторожил свой дом.

Колюшка-папа очень заботливая рыбка – не то что колюшка-мама.

Колюшка-мама отложит икру – и поминай как звали. А колюшка-папа икру стережёт. А потом пасёт своих непоседливых колюшат. Самых бойких и непослушных, убегающих из дома, он хватает ртом, тащит назад и выплёвывает прямо в дверь.

Говорят, что если разорить колюшкин дом, то колюшка-папа от горя побледнеет – совсем потеряет свою яркую боевую окраску. И даже перестанет есть.

Мне совсем не хотелось, чтобы такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной. Я выбрался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего домика.

«Костёр» 1960, № 3

Рисунки художника **Дарёны Решетиленко**

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Дорогие друзья! Давайте в этом юбилейном номере отправимся в прошлое и посмотрим, какой была наша «Морская газета» много лет назад, ведь эта рубрика лишь ненамного младше самого журнала.

Сейчас каждый номер «Морской газеты» — это отдельная тема. Мы рассказываем нашим читателям о том, какими бывают корабли и лодки, как учёные изучают океан, о морских профессиях и о тайнах морей. Раньше «Морская газета» оформлялась как разворот настоящей газеты, только был он внутри журнала: здесь публиковались различные заметки, репортажи, интересные факты и загадки. И сегодня мы вспомним некоторые рубрики исторической «Морской газеты».

В морях и портах

Эта рубрика была посвящена морским новостям — событиям, которые происходят прямо сейчас. Новые суда, открытия учёных-океанологов или спортивные рекорды попадали именно в эту рубрику. А как сейчас выглядят морские новости, например из мира судостроителей?

В октябре этого года на Ладожском озере прошли испытания необычного судна. У небольшой (длина всего 6 метров) «Сардины» нет экипажа, она управляется с помощью пульта по радио и может работать в автоматическом режиме. Задача судёнышка — обследование дна с помощью эхолота. «Сардина» движется по заданному курсу, а на экране перед оператором появляется всё, что видят её приборы на дне: ямы и камни, затонувшие лодки и брёвна. Такое судно станет незаменимым помощником, например, для подводных археологов.

Суда без команды (их так и зовут «безэкипажные») уже прочно вошли в нашу жизнь. Чаще всего их используют военные моряки, но есть среди таких судов и мирные труженики — как «Сардина». Пока они невелики по размерам, но в будущем, возможно, появятся и грузовые суда, которыми тоже будет управлять компьютер.

Безэкипажный катер на реке Мойке в Санкт-Петербурге

Неужели однажды моряки вообще станут не нужны? Конечно же нет! Море всегда будет привлекать человека, прежде всего возможностью испытать себя. А полностью передоверить машинному интеллекту управление большими судами в сложных местах удастся ещё не скоро: слишком велик риск. Так что пока морским профессиям ничто не угрожает, а вот облегчить труд моряков безэкипажные суда могут.

В этом месяце

Рубрика «В этом месяце» рассказывала о важных событиях морской истории, которые произошли в том месяце, когда выходил номер «Костра». Сейчас ноябрь, а значит, время вспомнить сразу о двух важных датах!

Осенью 1853 года на Чёрном море началась война между Россией и Турцией. Позже на стороне Турции выступили Англия и Франция. Главные сражения развернулись в Крыму, поэтому войну стали называть Крымской, хотя для англичан и французов она Восточная.

Рисунки художника **Елены Болговой**

Крымская война началась победами моряков-черноморцев. В одном и том же месяце — ноябре 1853 года — произошли первый в истории бой пароходов и последнее большое сражение парусных флотов.

Русский пароходофрегат (так называли корабли, которые имели не только машину и гребные колёса, но и мачты с парусами) «Владимир» встретил в море турецкий военный пароход «Перваз-Бахри» и вступил с ним в бой. Три часа корабли вели друг по другу огонь из пушек, стараясь при этом уклониться от выстрелов врага. И всё же «Владимир» оказался сильнее, турецкий пароход получил сильные повреждения и потери в экипаже — и сдался в плен. Так окончился самый первый в истории морских сражений бой паровых кораблей. А спустя две недели на рейде турецкого порта Синоп состоялась последняя битва парусников. Черноморская эскадра (отряд кораблей), которой командовал Павел Степанович Нахимов, разгромила турецкую эскадру адмирала Османа-паши. Нахимов атаковал турок прямо в порту, русские корабли двумя колоннами вошли на рейд и с близкого расстояния уничтожили весь вражеский флот огнём своих орудий. Лишь одному фрегату удалось убежать из Синопской бухты.

Фото: **П. Ковалёв / ТАСС**

Уголок морских знатоков

Герои этой рубрики «Морской газеты» — бывалые моряки капитан Быстроходов и боцман Румпель. Они пережили немало удивительных приключений во всех океанах Земли и теперь рассказывают об этом на страницах «Костра». Но не просто рассказывают, а ещё и загадывают загадки читателям журнала.

— Знаете, — сказал как-то боцман Румпель капитану Быстроходову, — я ведь, наверно, чаще отмечал свой день рождения в море, чем на суше! А один раз — шли мы тогда из Шанхая в Сан-Франциско, — представляете, день рождения пришлось отмечать даже дважды!

— Ещё как представляю! — вздохнул Быстроходов. — А вот у меня однажды день рождения попал на переход из Сиэтла во Владивосток…

— Сочувствую! — сказал Румпель. — Наверно, просто в другой день отметили, да?

— Отметить-то отметили… А всё же обидно: день рождения есть, а даты в календаре нет…

Почему же капитанский день рождения выпал из календаря? Ответ — в следующем номере.

Дежурный капитан **Михаил САВИНОВ**

«Уголок Весёлого Архивариуса» — наша старейшая рубрика. С перерывами она существует на страницах «Костра» 88 лет! А началось всё с № 5 за 1938 год. Именно тогда впервые появился в редакции журнала Весёлый Архивариус собственной персоной.

Уголок Весёлого Архивариуса

К нам в редакцию пришёл какой-то высокий, сутулый человек в чёрном сюртуке и с толстым портфелем под мышкой.

— Здравствуйте, пожалуйста! — сказал он. — Вы меня, наверно, знаете, я Весёлый Архивариус! Ха-ха! Могу рассказать вам, как один уличный шарманщик стал учеником композитора Масканьи, или как Галле пел дуэт с ослом, или как...

— Постойте, постойте! — перебили мы словоохотливого человека. — Какой шарманщик? При чём тут осёл?

Выяснилось, что у нашего гостя в запасе полно смешных правдивых историй, и тогда в редакции подумали, что он мог бы поделиться ими с читателями в отдельной рубрике.

— Идёт! — вскричал Весёлый Архивариус. — Раз в месяц по два-три забавных случая! Идёт! Я начинаю!

Концерт в Африке

Английский певец Галле однажды рассказал забавный случай:

— Дело происходило в Порт-Елисавете, в Южной Африке, куда я приехал, чтобы дать концерт.

В день моего концерта вечер был необыкновенно тёплый, так что двери в зал оставались открытыми. Первая часть программы уже подходила к концу, когда мне вдруг пришла в голову мысль спеть знаменитую немецкую песенку, которая начинается словами: Bruder, Bruder, sage: ja! («Брат, брат, скажи “да”!»)

Не успел я пропеть последнюю ноту финального ja, как в дверях показалась голова осла, и зал наполнился звучными криками: Ja-a-a! Раздался всеобщий хохот.

Ко мне подбежал взволнованный распорядитель концерта и умоляюще вскричал:

— Дорогой Галле! Если вы хотите, чтобы к вам относились серьёзно в Африке, то, ради бога, оставляйте на будущее время вашего брата дома!

Догадливый шарманщик

Однажды композитор Масканьи приехал в Лондон и остановился в гостинице. Как-то, сидя у окна, он услышал на улице шарманку, которая в слишком быстром темпе наигрывала интермеццо из одной его оперы.

Композитор вышел на улицу и, подойдя к шарманщику, с раздражением заметил, что интермеццо надо играть гораздо медленнее.

— А вы почему знаете? — спросил шарманщик.

— Это отрывок из оперы моего сочинения. Я Масканьи.

С этими словами он взял шарманку и показал, как следует играть.

Шарманщик поблагодарил и ушёл.

Через несколько дней композитор опять услышал шарманку, игравшую то же интермеццо. Выглянув в окно, он увидел знакомого шарманщика, у которого на передней стенке шарманки крупными буквами красовалась надпись: «Ученик Масканьи».

Рисунки художника **Елены Эргардт**

Леонид Каминский: весёлая профессия

Весёлый звонок

Фразы из сочинений прислали: Оксана Гапон (Сырдарьинская обл.), Маша Яцун (ст. Каневская Краснодарского края), Виктор Дрыжаков (г. Оленегорск), Наташа Чертякова (г. Саянск), Андрей Осокин (г. Рязань), Надя Тотменина (пос. Восточный Кировской обл.).

Друзья, приходилось ли вам видеть почтовые мешки с письмами? Большие такие, из прочного бежевого джута, весом килограммов на пятьдесят? Да ну, скажете вы, мы и писем-то почтовых никогда не видели, кто сейчас, в эпоху компьютеров и смартфонов, письма пишет?

И правда. А мне приходилось. Помню: мне лет семь-восемь, и вот очередной такой мешок, чуть ли не с меня ростом, под завязку набитый письмами читателей «Костра», папа приносит из редакции к себе в мастерскую. Нет, не приносит — затаскивает, с трудом, в прихожую, а оттуда — в комнату, где среди бесконечных полок с книгами, рядом с большим мольбертом, у широкого стола со стопками бумаги, красками, фломастерами уже ждут столь же неподъёмные, переполненные детскими письмами «собратья». Ждут, когда их откроют и каждое письмо — прочитают, рассортируют, на некоторые — ответят, а некоторые и напечатают. Каждый месяц — сотни новых писем, новый увесистый мешок... Вот же невесёлая работа была, наверное, у ленинградских почтальонов!

А у папы, у художника, писателя, артиста, журналиста Леонида Каминского, — весёлая. Что ни письмо — то ляп в сочинении, то дурачество на уроке, то реплика невпопад, и за каждым — смеющиеся лица, целые школы смеющихся лиц по всей стране... Вот только посмотрите на присланные читателями и проиллюстрированные папой отрывки из школьных сочинений на этих страницах — представили?

А началось всё в 1979 году, с появлением в «Костре» нового отдела

юмора под названием «Весёлый звонок». И раз журнал для школьников, то ведь и вести его должен учитель — верно же? Учитель смеха.

«“Костёр” — один из моих любимых журналов. Двенадцать лет я веду в этом журнале отдел юмора “Весёлый звонок”. И получаю от ребят огромное количество писем, — рассказывал папа в интервью в 1991 году. — Больше всего писем приходит на конкурс “И все засмеялись!” Этот конкурс заключается в следующем: нужно рассказать о каком-нибудь смешном случае, при этом рассказ должен обязательно кончаться фразой: “И все засмеялись!” Самый короткий рассказ мне прислала девочка из Новгорода. Вот он: “Вася стоял у доски и стал всех смешить. И все засмеялись!”»

«Не знаю, существует ли ещё где-нибудь столь невообразимая коллекция, — писал один из папиных друзей, блистательный поэт и переводчик Михаил Яснов, — а в ней и отрывки из школьных сочинений, и ответы у доски, способные доконать любого учителя, и подслушанные разговоры на переменке или на улице, и смешные ошибки, превращающие обычную фразу в школьный анекдот».

Учителем смеха Леонид Каминский был на страницах «Костра», в книгах, на радио, в бесчисленных встречах с детьми в школах и на концертах. А ещё в театре — в спектакле «Урок смеха». Этот необычный спектакль-импровизация шёл десять лет и объездил всю страну. Вот как папа описывал представление: на сцене — Учитель смеха, два артиста в роли учеников и… «все ребята, сидящие в зале, и даже их мамы, папы и бабушки. Интересно, что, в отличие от настоящей школы, на нашем уроке ученики просто рвутся к доске. Один зритель так написал в книге отзывов: “На этом спектакле я был с папой. Мы несколько раз падали со смеху. И я хочу ещё раз прийти, чтобы падать!”»

ПРИСЛАЛИ: Саша СКОНИН (Рязанская обл.), Маша ХРУЩЕВА (г. Москва), Катя РАЩУПКИНА (г. Уссурийск), Олег и Оля РАСЧЕКТАЕВЫ (г. Челябинск).

ПРИСЛАЛИ: Олег ЗАЙКОВ (г. Вологда), Света МИНИНА (Алтайский край), Оксана ШКЛЯЕВА (г. Воткинск).

Рисунки **Леонида Каминского.** Из архива журнала «Костёр»

Падали со смеху и любимые друзья: когда получали персональные поздравления к знаменательным датам — в стихах и с уморительными портретами, когда придумывали совместные выступления или публикации, когда слушали истории из папиной жизни. Чувством юмора был проникнут каждый его талант: мастерство уникального шаржиста, способного в несколько штрихов и, главное, по-доброму, уловить мгновенно узнаваемые черты, дар неповторимого рассказчика. «Записывать за ним было невозможно, — вспоминал Михаил Давидович Яснов, — всё в этих историях — голос и интонация, жесты и мимика, и замечательные “каминские” паузы… — всё было мимолётно, относилось к тому сиюминутному юмору, который не зафиксируешь на бумаге».

А письма всё шли. Двадцать шесть лет не прерывалось папино удивительное общение с читателями. Менялась страна, а «Весёлый звонок» звенел неизменно в каждом номере: урок смеха продолжался. Урок, на котором не учат, а вместе учатся подмечать смешное, радоваться ему и делиться с другими. Теперь с вами, с новыми читателями «Костра», с детьми, а может быть, даже и внуками тех школьников, с радостью делюсь историями из папиного архива и его рисунками я.

«Леонид Каминский умел и любил смешить — это великое искусство давалось ему легко и радостно», — говорил Михаил Яснов. А папа? А папа говорил вот так: «Я считаю, что мне в жизни очень повезло: благодаря своей профессии я часто слышу детский смех и вижу улыбки ребят».

Мария КАМИНСКАЯ

Наши капитаны

Журнал словно корабль. Он выбирает свой курс, лавирует между сциллами и харибдами обстоятельств, иногда садится на мель, а подчас его подхватывает попутный ветер жизни. Поэтому и хочется назвать руководителей журнала, его главных редакторов, капитанами. Особенно после того, как в 1973–1988 годах его возглавлял настоящий капитан второго ранга — писатель **Святослав Владимирович Сахарнов** (1923–2010).

Ну а первым капитаном «Костра», хотя и без официальных регалий, был, конечно, **Самуил Яковлевич Маршак.** Однако должность у него всё-таки была: он возглавлял детский отдел Госиздата, и многие сотрудники этого отдела стояли у истоков «Костра».

В первые годы официальные руководители «Костра» — они тогда назывались ответственными редакторами — часто сменялись. В самом первом номере эту должность временно исполнял **Е. Светлов,** затем **Л. Желдин** и **Г. Мишкевич.** Всем им помогала в качестве заместителя ответственного редактора детская писательница **Тамара Григорьевна Габбе** (1903–1960).

В 1937 году должность капитана «Костра» занял писатель **Пётр Иосифович Капица** (1909–1998), автор повестей и романов о комсомольцах и моряках. А в 1938 году снова произошли изменения: С. Я. Маршак покинул редакцию в ленинградском Доме книги и переехал в Москву, а Капицу сменил исполняющий обязанности ответственного редактора **А. Селифонов.** С № 1 1940 года журнал возглавлял прозаик и журналист **Юлий Аронович Эшман** (1910–1984).

В военные годы на капитанском мостике «Костра» стояли поочерёдно **Ю. Эшман, А. Гольдин** и **Г. Яблонская,** которая в прошлом тоже работала в детском отделе Госиздата у Маршака. Бессменной сотрудницей журнала оставалась в эти годы **Н. Теребинская.**

Послевоенный «Костёр» возглавил писатель **Николай Фёдорович Григорьев** (1896–1986), и он же снова взялся за штурвал, когда после десятилетнего перерыва в 1956 году выпуск «Костра» был возобновлён. Его дело продолжила **Н. С. Косырева,** а затем **Г. М. Чернякова** — впоследствии многолетний директор Ленинградского Дворца пионеров. Это её стараниями был открыт знаменитый лагерь пионерского актива «Зеркальный», построен монумент «Цветок жизни» и придуман праздник «Алые паруса».

Почти десятилетие, с 1962 по 1973 год, главным редактором журнала был поэт **Владимир Васильевич Торопыгин** (1928–1980). Этот капитан старался сделать журнал понятнее для юных читателей, руководил перепиской подростков, устраивал многочисленные поездки и даже автопробеги сотрудников «Костра». Его сменил **С. В. Сахарнов,** привлекавший в журнал лучших детских писателей со всей страны, проводивший всесоюзные семинары для молодых детских писателей. В 1988–2000 годы вёл «Костёр» мимо рифов перестройки и рынка чудом сохранивший журнал поэт **Олег Александрович Цакунов,** а с мая 2000 года и до сих пор журналом руководит бессменный «костровой» **Николай Борисович Харлампиев.**

Фотографии: С. Я. Маршак. Фотографы В. Чередницев, А. Лесс / ТАСС
Остальные фотографии предоставлены из семейных архивов

9 770130 257001 10026 >